

БЫСТРАЯ И ШУСТРАЯ

р о м а н

Когда
рекламируешь
смерть, трудно
спастись
от гибели.

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы

Быстрая и шустрая

«ЭКСМО»

2002

Литвиновы А.

Быстрая и шустрая / А. Литвиновы — «Эксмо», 2002

Как круто изменилась ее жизнь! Еще год назад Женя Марченко была скромным сотрудником известного рекламного агентства. А сейчас... У нее есть награда – «Серебряная стрела» за лучшую рекламу года и приглашение работать в агентстве «Глобус». Она даже успела влюбиться. Наконец стали сбываться ее самые смелые мечты. Но все закончилось в один день... Погибает ее шеф, от которого Женя узнала, что «Глобус» работает на наркомафию. Любимый Миша оказался сотрудником органов. Шантажом он заставляет Женю добыть интересующую его информацию... Но не на ту напали! Закаленная в борьбе за возможность жить в столице, провинциальная девочка решает всех переиграть и повернуть ситуацию в свою сторону... Книга также выходила под названием «Белый пиар».

© Литвиновы А., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна и Сергей Литвиновы

Быстрая и шустрая

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Ей опять снился тот же сон.

Снова – все тот же кошмар.

Она входит в комнату. В ту самую, что и тогда, наяву. Только сейчас она беззащитна. Руку не оттягивает тяжелая, страшная и безопасная сталь пистолета.

Она входит в страшную чужую комнату с пустыми руками. На ногах у нее туфли на высоком каблуке. Бедра скрыты под длинной юбкой. Однако сверху по пояс она обнажена и поэтому чувствует себя совсем не решительной – как тогда, наяву, – а абсолютно беззащитной.

Она входит... Комната с высокими потолками – пуста. Темные гардины на высоких окнах закрыты до самого потолка, и от этого в большой комнате царит полумрак.

Пусто. Сумрачно. Нет никаких причин бояться...

Однако она чувствует: за шторами кто-то есть. Плотные гардины чуть колыхнутся – но не от ветра из окна.

Она чувствует: там, за шторами, прячутся люди.

Люди... Или – *что-то еще*.

От этого ей очень страшно. С обнаженной грудью и без пистолета она чувствует себя совершенно беззащитной.

Она не может двинуться с места. Не может повернуться и уйти. Ноги словно приросли к полу. Ей хочется закричать, проснуться (в глубине сознания она все-таки понимает, что это – сон)... Но не получается. Ее рот залеплен скотчем? Или, как тогда, в реальности, заткнут грязной тряпкой?

И в этот момент (она по-прежнему стоит на пороге сумрачной комнаты с высокими потолками) шторы на окнах начинают разъезжаться.

Разъезжаться – сами по себе, очень медленно. И она видит, что в просвете штор – никого нет. Там пусто. Тюлевая занавеска. Окно... И она понимает, что за гардинами никто не прячется. Но шторы все равно – едут и едут в разные стороны: медленно, медленно, медленно... И от этого так страшно, так страшно!..

В этот момент она всегда кричит и просыпается.

Глава 1

Сегодня Женю ждал триумф.

Она добилась этого. Заслужила. Прорвалась!

Всего год назад Женя Марченко была почти никем.

Нет, голодать ей, конечно, не приходилось. Она служила на крепкой должности, регулярно получала зарплату, но при этом – совершенно терялась в толпе московских белых воротничков. Одна из клерков, ничего больше. Провинциалка – без родителей, без квартиры, без связей.

Правда, неприхотливые однокурсницы Жени – провинциалки, как и она, – считали, что ей здорово повезло. Марченко, в отличие от них, зацепилась за Москву. Ей никогда не приходилось работать продавщицей газет в мерзлом подземном переходе, она сидела в теплом офисе, ее кормили бесплатными обедами...

Но сама Женя всего год назад совсем не чувствовала себя счастливой.

Она работала в сетевом рекламном агентстве «Ясперс и бразерс». И была там *одной из многих*. Ее должность именовалась гордо – копирайтер. То есть – творец. Автор рекламных идей. Человек, придумывающий всякие там «райские наслаждения» и «чудо-йогурты». Но... За два года работы на «Ясперс и бразерс» Женя Марченко не написала ни одного своего текста. И не придумала ни единого рекламного девиза. Точнее, не так. Она разработала пару десятков девизов. Но ни один из ее слоганов не увидел свет. Просто потому, что молодую выпускницу журфака к серьезным делам не подпускали, а на ее личную инициативу не обращали внимания. В лучшем случае Жене поручали перевести с английского рекламный текст. А то и вовсе сажали за компьютер – перепечатывать чужие статьи или creative briefs.¹

В соответствии со сложной иерархией, царящей в рекламном агентстве, Женя болталась где-то в самом конце служебной лестницы. Ниже находились только секретарши – причем те, кто не знал иностранного языка. Женя получала свои двести ежемесячных долларов (крохи для Москвы!) и порой подумывала: «Продавать газеты в переходе – и то веселей!»

Кто бы мог предположить, что ее жизнь круто повернется... Что сегодня...

Сегодня о ней узнает вся Москва. Она выйдет на сцену под бликами завистливых глаз... Ей будут аплодировать, ее будут фотографировать, у нее станут брать интервью. Сегодня о ней заговорит вся рекламная тусовка – еще бы, зажглась новая звезда! Женя пока совсем не чувствовала себя звездой. От этого ей было неуютно.

Она волновалась.

Когда Женя нервничала, у нее всегда мерзли ладони. Иногда приходилось отрывать их от руля и греть дыханием. «Хватит дергаться! – подбадривала она себя. – И не в таких передрыгах бывали!»

Но... Женя вспоминала свои передрыги из недавней институтской и недолгой «рабочей» жизни и понимала: сегодня она выходит на другой уровень. На уровень серьезный. Не сравнимый с невыученными билетами по стилистике или поездками по Москве без прав. Сегодня она вступает в большую игру. И – в большую карьеру. А входить в серьезный мир нужно красиво.

По крайней мере, въезжать в него на «Оке» не годилось. Женя решила не подруливать на своей малолитражке прямо к зданию старого МХАТа. Лучше немного пройти пешком по Тверской, чем тыркаться в толпе представительских «мерсов» и джипов в Камергерском переулке. Да и несолидно сегодня там парковаться, на ее-то машине.

Конечно, соседки по дому и бывшие однокурсницы пребывают в фальшивых восторгах от Жениной «белки» – белой «Оки». Но... Для сегодняшней церемонии стоило бы обзавестись

¹ Творческая концепция (англ.).

другим автомобилем. Пусть малолитражкой, но хотя бы иностранной. «Пежо», к примеру, – как у коллеги по агентству Таньки Садовниковой... Или, скажем, «Пунто»...

Женя фыркнула: что за мысли лезут в голову!

«Уже причисляешь себя к элите? Ну-ну... Пожалуй, слегка преждевременно...»

Она юркнула в первое же подвернувшееся гнездышко на парковке у ресторана «Арагви». Швейцар сделал движение открыть дверцу ее автомобильчика, но передумал. Встал рядом, навис над «Окой» безразмерным пузом.

Женя выплыла из машины, стараясь, чтобы получилось поцарственной. Швейцар буркнул: «Вы в ресторан? Парковка – только для гостей».

Не впечатлила его «Ока»... Женя постаралась обворожительно улыбнуться:

– Я ненадолго, ладно?

– Двадцать рублей, – проскрипел швейцар.

«Толстяка обаять не удалось, – вздохнула она, расставаясь с двумя десятками. – А если я и там буду серенькой мышью?»

Нервы совсем расшалились. Она чувствовала сквозь вечернее платье, как стучит сердце.

Тверская улица сияла надменными витринами и вечерней иллюминацией. Будний день, но все вокруг нарядные, как на праздник.

А на углу сидит нищий. Оборванный, грязный, без ноги. Вот она, Москва – «город контрастов». Жесткая и сверкающая столица.

Женя вдыхала уже ставший привычным бензиновый воздух и с удовольствием бросала взгляды на свое отражение в отполированных магазинных стеклах. Сегодня она – с теми, кто успешен. Одна из нарядных и уверенных в себе. И сегодня ее ждет триумф!

Часы на здании Центрального телеграфа – через улицу – показали 19.02. Цифры сменились, и на табло вспыхнуло «минус одиннадцать». Голова мерзла... Шапку у Жени отобрала парикмахерша, авторитарная Марьяшка, говорили, что она – лучший мастер в столице.

Стрижка с укладкой обошлись в сто долларов – всего год назад эта сумма равнялась половине Жениной зарплаты. Да и сейчас, черт возьми, дорого – в родном К. вполне прилично стригут за доллар – то есть за тридцать рублей! Женю, конечно, напоили за счет парикмахерской невкусным, но горячим кофе, и она вдоволь наслушалась рассказов своей мастерицы о бесчисленных победах на всяческих парикмахерских конкурсах. К тому же мастер поймала Женю на выходе, где та примерялась перед зеркалом: как надеть головной убор с минимальными потерями для прически. Марьяшка прилюдно отчитала Евгению, вырвала из рук шапку и заявила на приличном французском:

– Pour etre belle, il faut souffrir²!.. А шапку не отдам, и не проси. Приедешь за ней завтра или курьера пришлешь.

Курьера Жене пока не полагалось. Но переспорить Марьяшку оказалось невозможно. Поэтому пришлось с шапкой расстаться и нещадно страдать под морозным январским ветром.

Хорошо, МХАТ – совсем рядом. Женя прибавила шаг и влилась в толпу, атакующую главный вход.

Сегодня во МХАТе ничто не напоминало обычный театральный вечер. Вместо спектакля здесь проходила церемония вручения «Серебряной стрелы» – самой престижной награды в области российской рекламы.

Мероприятие считалось модным и *культовым*. Если ты работал в рекламном бизнесе, но тебе не присылали на церемонию приглашения – это означало, что жизнь не удалась: *тусовка* тебя не ценит.

Женино приглашение на «Стрелу», неосмотрительно оставленное на рабочем столе, было похищено тут же. Преступника не нашли, и ей пришлось запрашивать дубликат.

² Если хочешь быть красивой, нужно страдать.

Вход в театр штурмовала нарядная, но озабоченная толпа.

Во МХАТ все прибывали и прибывали *рекламисты, пиарики* и иже с ними. Они толкались, шумели, звенели – фальшивыми приветствиями, вымученным смехом. Мальчики и девочки, неофиты от рекламы, перемешались в фойе театра с признанными грандами жанра.

Вчерашние студенты гордо, словно равные, приветствовали декана журфака МГУ Ясена Засурского. Тот (в «бабочке» и в смокинге) дружелюбно со всеми здоровался, улыбался – но явно никого из своих питомцев не помнил.

Юные менеджерши царственно протягивали ручки для поцелуя Владимиру Евстафьеву, директору крупного рекламного агентства «Максима». Тот снисходительно чмокал, покровительственно трепал девиц по плечу.

Вот, ни на кого не глядя, брюзгливо оттопырив губу, прошествовал компаньон Евстафьева – Игорь Янковский. (Не тот, который знаменитый артист, а его племянник: бывший актер, а теперь человек в рекламной тусовке, наверное, еще более известный и влиятельный, чем его кузен – в мире театральном...)

Повсюду веял бриз из запахов дорогих духов, искрились бриллианты и куда более блестящие цирконы. Зеркала оккупировали красавицы с вечерними прическами.

Женя с удовольствием отметила, что выглядит она вполне на уровне. Даже прическа совершенно не пострадала, несмотря на злобный зимний ветер. Вот что значит посетить хорошего мастера. Вот за что она заплатила сто американских долларов.

Она слегка освежила губы блеском, провела пуховкой по лицу – и кинулась в объятия лицемерных приветствий: «Женечка! Прекрасно выглядишь! Просто королева бала!»

Громче всех кричала, крепче всех обнимала бывшая Женина однокурсница Оля Дробовик – надменная москвичка, раньше едва достаивавшая ее взглядом.

Женя снисходительно улыбнулась Ольге и с отвращением поцеловала ее в перепудренную щеку. «Как-то все... неправильно, неестественно», – подумала она.

В театре собралось слишком много молодых самоуверенных и дорогих людей. В холле, под портретами ведущих артистов, дефилировали люди с бокалами. Струнный квартет исполнял живую музыку. В центре зала устроили круговую стойку: там официанты в «бабочках» трудились в поте лица, открывая и разливая все новые и новые бутылки шампанского. Нарядного народу – словно на светском рауте из какого-нибудь голливудского фильма. И все – *свои* или почти *свои*. Разговоры, смех, объятия... «Позвольте вас представить моему другу...» Пара телевизионных групп... Человек пять с профессиональными фотоаппаратами...

Женя знала здесь почти всех – некоторых лично, многих – по другим тусовкам, кого-то – по телеэкрану. Вот прошел Сергей Лисовский – красавчик в строгом костюме. Кажется, ему сегодня тоже будут вручать приз – за книгу по политической рекламе.... Вот пробежала на высоченных каблуках красавица Таня Тютюнник из агентства «BBDO» – создательница рекламы «Баунти» и «Вискаса»...

Раньше Женя была всего лишь незаметной придворной дамой из свиты королевы Татьяны – но сегодня та приветливо с ней поздоровалась, промурлыкала: «Поздравляю!»

Лауреатов «Серебряной стрелы» официально объявят только через час – однако посвященные уже были в курсе того, что одна из «стрел» окажется в Жениной сумочке. И именно поэтому сегодня Евгения Марченко была *сногшибательно* красивой, желанной, умной, гениальной. Женя слушала комплименты, улыбалась, смущалась... И решила про себя: завтра же сходить к знакомой гадалке, чтобы снять сглаз. После сегодняшнего моря комплиментов точно нужно подстраховаться от порчи.

Жене должны были вручить «Серебряную стрелу» за котов. И это ее отчасти расстраивало. Котов – рекламных, телевизионных, а пуще всего живых – Женя ненавидела. *Теперь* ненавидела.

Коты достались ей неспроста – как самой молодой в агентстве. Чтобы было кого уволить в случае провала. А провал, казалось, был неминуем.

Год назад в «Ясперс и бразерс» обратился французский концерн «Муркас». Французы производили корма и аксессуары для животных и вознамерились завоевать российский рынок. «На кошек» бросили лучшую в агентстве творческую группу. Никто сначала не сомневался, что криэйтеры разработают такую рекламную концепцию и что французы от нее прибалдеют, как коты от валерьянки. Однако «Муркас» оказался чуть ли не самым несговорчивым заказчиком за всю историю московского отделения «Ясперс и бразерс».

Творческая группа предложила первый вариант рекламной концепции – полный разгром.

Концепцию переработали – вышло еще хуже. Французы опять все забраковали и принялись грозить, что сменят рекламное агентство. Директриса московского представительства, хрупкая старушка Жаннет со стальным взглядом, противно шелестела: «Я ранее полагала, что «Ясперс и бразерс» – лучшее агентство в Москве... Однако вы – лучшие только в смысле расценок... Пожалуй, мне стоит поискать других исполнителей – среди молодых, неизбалованных фирм...»

Французская бабулечка задолбала всех. Даже прожженный бизнесмен, умник и скряга Брюс Маккаген, директор «Ясперс и бразерс», морщился, когда речь заходила о «Муркасе». И вот тут-то на котов и бросили Женю.

Немногие друзья из агентства выражали ей искреннее соболезнование, а недоброжелатели – засыпали поздравлениями.

Женя расстроилась. Она краем глаза видела в конторе злобную французскую бабульку и понимала, что ничего хорошего не предвидится. Контракт сорвется, «Муркас» уйдет в другое агентство, а ее как минимум лишат премии. А то и вовсе уволят. В Москве всегда так: все шишки достаются приезжим. И новичкам. А она была одновременно и приезжая, и новичок.

Но просто сдаться? Без борьбы? Никогда.

Женя решила сражаться до последнего. Для начала она вспомнила бесчисленные советы журнала «Космополитэн» из серии «Как сделать карьеру» и отправилась на курсы интенсивного французского. Две недели по вечерам, с шести до одиннадцати, освежала в памяти подзабытые «бонжуры» и «тужуры». Оказалось, что университет дал ей неплохую языковую базу, – помучившись на курсах и почитав на ночь Мопассана в оригинале, Женя почувствовала, что французский к ней «вернулся».

Перед первой встречей с легендарной Жаннет Женя с содроганием прикупила ужасный костюм в устаревшем стиле шестидесятых – шерстяная юбка ниже колена, строгая шелковая блузка с галстуком-шнурком, пиджак, тщательно скрывший грудь. Длинные волосы – обычно Женя носила их распущенными – она заплела в косичку. Обзавелась очками с простыми стеклами.

Подготовительная работа имела определенный успех. Жаннет, кажется, оценила ее вид примерной ученицы. Заговорила с Женей по-французски – и с удовольствием отпустила переводчика. Однако первые же переговоры зашли в тупик. Женя, проведя со старушкой мучительные два часа, так и не смогла понять: чего клиентка все-таки хочет от рекламы своего же собственного товара... Какой она ее видит...

Тогда Женя решила взять француженку измором.

Женя дневала и ночевала в офисе «Муркаса». Она выпила бессчетное количество кофе вместе с кошачьей президентшей. Однако Жаннет упорно говорила одни только общие фразы. Реклама, мол, должна быть уникальной. Яркой. Броской. Вызывающей. «Такой, чтобы всем российским – как это говорится? – держателям котов захотелось купить наш «Муркас».

Абсолютно пустое, «никакое» пожелание... Пожалуй, Женя все-таки не сумеет раскусить упорную и довольно-таки своевольную старушку... Зря только тратилась на курсы французского и на дурацкий костюм.

Конечно, она могла бы, не поняв толком, чего хочет клиент, начать действовать наудачу – будь что будет! Именно так, похоже, поступали Женины предшественники. Но Женя понимала: еще одна безрезультатная попытка, и клиент покинет агентство – оставив лично ее с клеймом неудачницы. Поэтому она была готова на все, лишь бы «расколоть» несговорчивую Жаннет. Пребывая в полном отчаянии, Женя однажды решила: она даже готова переспать с бабкой – если та вдруг предложит ей сие сомнительное удовольствие.

Но Жаннет и не думала намекать ни на что подобное... Казалось, для нее (что странно для француженки) все радости жизни, включая секс, остались в далеком прошлом.

Женя постепенно узнавала – по обмолвкам скрытной Жаннет, – что та, московский директор «Муркаса», имея все атрибуты гордой и самостоятельной женщины, одинока и проживает в компании трех котов и домработницы. И вот однажды, в минуту откровенности, железная мадам призналась: «Знаешь, Женечка, мне иногда кажется, что мои коты – разумные существа. Они, по-моему, гораздо умнее многих людей. Очень многих...»

И в этот момент Женя почувствовала, что близка к пониманию, какого рожна нужно Жаннет.

Бабулька уже сформировала в своей седой головенке собственную *концепцию рекламы*. И Жене оставалось просто сформулировать, *вербализовать*, записать на бумаге то, чего хочет француженка...

Из бесчисленных учебников, поглощенных во время учебы на кафедре рекламы, она, конечно, знала, что «создатели рекламы должны опираться исключительно на базовые потребности потребителей». Все, мол, для блага человека – и сам товар, и его реклама...

Но, поработав в настоящем рекламном агентстве, Женя узнала, что теория из учебников – красивая сказка. Особенно в России. Никакие научно обоснованные рекламные законы не сработают, если боссу-заказчику не понравится идея, придуманная рекламистом. Если не придется ему по душе созданный копирайтером образ, текст или слоган, то его никогда не утвердят.

Проверено неоднократно. Сколько раз бывало, что перед началом дорогостоящей рекламной кампании проводилось предварительное тестирование. Набирались группы добровольцев – потенциальных покупателей. Им демонстрировали различные варианты роликов или текстов. Затем специально обученные психологи по особым методикам кропотливо опрашивали людей (их гордо называли «экспертами»). И народ – потенциальные потребители и рекламы, и самого товара – делал свой выбор: нравится мне, мол, ролик номер два... Психологи составляли пухлые, красивые, внушительные отчеты: графики, диаграммы, таблицы... Затем вместе с разными вариантами роликов результаты тестирования предъявляли заказчику.

А заказчик... Заказчик все выслушивал, отсматривал... А затем... Затем хмурил брови (или, положим, кусал ус, или дергал себя за ухо) – и из предложенных вариантов... выбирал тот, что нравился *лично ему*. Наплевав и на мнение «потенциальных потребителей», и на все научные обоснования. И на будущих зрителей – или слушателей – рекламы.

И Женя считала, что боссы-заказчики, в конечном счете, правы. Они платят – им и выбирать. Так что какую теоретическую базу под рекламную кампанию ни подводи – если она не понравится тому, кто башляет бабки, тот никогда на нее этих бабок не даст. Именно так: *не даст*.

Ну, а облажавшегося копирайтера – в данном случае ее, Женю! – просто уволят.

...На фразе, случайно оброненной заказчицей, – «мои коты – как люди» – Женя решила выстроить всю рекламную кампанию. Коты в интерпретации Марченко выглядели настоящими *людьми, homo sapiens*, «человеками разумными». Даже – разумнее «человеков». И – лучше их.

Предварительно наловившись «Муркаса», кошки предупреждали хозяев о начавшемся пожаре, излечивали их от мигрени, приносили тапочки, дрессировали аквариумных рыбок и даже подавали кофе в постель...

Начальница кошачьей фирмы от идей Жени – от ее, как это называлось, «креатива» – пришла в восторг. И, росчерком своей жилистой лапки, выделила агентству «Ясперс и бразерс» рекордный бюджет. Даже привыкший к суммам со многими нулями Брюс Маккаген (когда он узнал о размерах гонорара), радостно-изумленно поднял брови.

Бюджета хватило на то, чтобы набрать для съемок лучших в Москве артистов-людей. Артистов-котов тоже выбирали на настоящем (и дорогостоящем!) кастинге. Ролики снимал известный голландский режиссер. Приближенные к начальству сотрудники (но, увы, не Женья) чуть ли ни ежедневно летали в Англию, где монтировались клипы «Муркаса».

А вот на Женину долю достались коты... Кошки дремлющие и кошки играющие – белые, рыжие, трехцветные, смолянисто-черные... Они царапались, кусались и писали на реквизит. Ошалевшие от жары софитов, коты испуганно поджимали уши и норовили забиться в темные углы – вместо того чтобы радостно поглощать пресловутый «Муркас» и спасать затем хозяев от пожаров и автокатастроф. И лечить им мигрень.

Мигрень начиналась у Жени. Наплевав на новые брючки от «Максмары», она ползала по пыльным полам павильонов и выманивала гадких тварей корешком валерьяны. Она научилась раскрывать котам пасти и хватать их за шкурку, ловко уворачиваясь от злобных когтей. Ее друзьями стали дрессировщики из театра Куклачева, которые умели утихомирить разбушевавшихся животных. А дома Женья перестала оглаживать соседского кота и подкармливать его куриными косточками (в отместку тварь нагадила перед ее входной дверью).

Зато на экране коты выглядели, как говорится, «шоколадно». «Какой проникновенный взгляд у этого рыженького!» – восхищалась Жаннет. А Женья вспоминала, как они на пару с дрессировщиком, отчаявшись утихомирить рыжего гаденыша, вкололи коту полпорции наркоза...

И вот теперь мучения Жени вознаграждены. К ней пришла слава... Безымянная, конечно, – титров в рекламных роликах не полагается.

Зато в *тусовке* узнали, кто у кошачьей рекламы *криэйтер*. И как его – ее! – звать.

Ролики, снятые по Жениной идее, с ее текстом, гоняли теперь по всем каналам ТВ. Их почему-то обожали дети. Они требовали у родителей приобретать котам именно «Муркас». Да и родители покупались на немудрящую идею Жени.

Объем продаж корма для пушных зверьков ощутимо возрос. Ролики имели явный коммерческий успех, Жене выписали премию в агентстве, а Жаннет подарила ей серебряную кошачью фигурку (пришлось, по случаю аллергии на кошек в любом виде, в тот же день передарить статуэтку подруге).

От старших коллег Женья знала: в рекламе коммерческий успех, как правило, несовместим с успехом творческим. И – наоборот. Если реклама действительно способствует продажам товара – то она никогда и нигде, как правило, не получает никаких призов. А в конкурсах побеждают обычно красивые, забавные, остроумные – но... абсолютно бесполезные (с точки зрения продаж) ролики.

Однако поди ж ты!.. В случае с «Муркасом» вышло по-другому. Видно, в жюри «Серебряной стрелы» тоже попали любители кошек. Может, и в жюри знаменитого Каннского рекламного фестиваля окажутся кошачьи фанаты? И она, Женька, поедет на Лазурный берег? Пройдется по знаменитой лестнице на знаменитой набережной Круазетт?..

Боже мой, как жаль, что никто не может порадоваться ее успеху. Уже нет в живых ни мамы, ни папы. Как бы они гордились ею! Но Женья – сирота.

И еще она – одинока. Рядом нет верного молодого человека («одноночные» партнеры не в счет)... А подруги... Что с них взять, с подруг.

Однажды Женья поделилась своими планами покорения Канн со старшей коллегой Татьяной Садовниковой. Та рассмеялась:

– В Канны? С твоими кошачьими роликами? И не думай!

– А почему бы нет? – обиделась Женя.

– Твоя «Стрела» – это кулуарные игры, – важно сказала Садовникова. – Во-первых, в этом году должен победить кто-то из «Ясперса». А во-вторых, твоя Жаннет сказала, что не пожалеет сил, чтобы именно «Муркас» завоевал «Стрелу». Сечешь фишку?

Женя тогда Садовниковой не поверила. У «Серебряной стрелы» – независимое жюри. Никто из сотрудников «Ясперса» в него не входит... И каким макаром производитель корма, француженка Жаннет, может влиять на результаты российского рекламного конкурса? Но Татьяна клялась:

– Не ты «Стрелу» получаешь, а тебе ее *получают*. Так что не зазнавайся, Женька, – твои ролики, конечно, клевые, но в Канны им пока рановато!

– Докажи! – потребовала Женя.

– Запросто! – пообещала Татьяна.

И сегодня, перед началом церемонии, Садовникова подскочила к Марченко. Схватила ее за руку и потащила в буфет. Они укрылись за колонной, и Женя увидела: председатель оргкомитета «Стрелы» и Жаннет дружески беседовали за бокалом шампанского.

Председатель оргкомитета, молодой вальяжный мужчина, обволакивал французскую старушеницу восторженным взглядом.

– Впечатляет? – прошептала Садовникова.

– Нет! Подумаешь, доказательство! – рассердилась Женя. – Может, у них любовь?

– Ага. Любовь к зеленым купюрам, – проворчала Татьяна. Она взглянула в расстроенное лицо Жени и добавила: – Ладно, не будем о грустном. А знаешь ли ты, что тебе подарят вместе со «Стрелой»? Угадай!

Женя заинтересовалась:

– Шубу?

– Нет!

– Телевизор?

– Нет!

– Путевку?

– Круче! Гораздо круче! – В глазах у Татьяны плясали лукавые черти.

Когда Женя дошла до «Мерседеса-Брабуса» и особняка под Москвой, Садовникова сдалась и триумфально доложила:

– Кота! Тебе подарят – кота. Живого. Абиссинского, голого!

Женя с трудом подавила желание выругаться – грубо, по-мужицки. Неужели правда?! Она этого кота задушит. Немедленно по получении.

Татьяна сочувственно взглянула в ее расстроенное лицо и спросила:

– Надоели тебе эти твари?

Женя только кивнула. Танька – нормальная тетка, все понимает. Садовникова улыбнулась:

– На самом деле, котик – очень хороший. Породистый, с паспортом. Можешь продать на Птичке долларов за пятьсот.

Женя представила, как она голосит на Птичьем рынке: «А вот кому котеночка, элитного, абиссинского!» – и засмеялась. Смех получился нервным. Садовникова внимательно взглянула на нее:

– Ладно, пошли в зал. Ты хоть понимаешь, что через полчаса станешь знаменитой?

...Знаменитость из Жени делал вертлявый, подвижный, словно ртуть, ведущий. Он изо всех сил старался быть смешным. Вызывая ее на сцену, ведущий объявил:

– А сейчас... перед вами выступит кошачья богиня... Женя! Мурр-ченко!

– Марченко! – нестройным хором поправили с балкона болельщики Жени из «Ясперс и бразерс».

– Нет, именно МУРЧЕНКО! – с пафосом воскликнул ведущий. – Евгения Мурченко, укротительница домашних тигров, апологет рационального кошачьего питания!

Женя, старательно распрямляя плечи, уже стояла на сцене.

В первом ряду, совсем близко от сцены, восседали рекламные и пиаровские гранды: Лисовский, Перепелкин, Руга, Лутц... Они улыбались и перешептывались со своими нафуфыренными женами и подругами. Неужели обсуждают ее? Или ее наряд?! Руга посматривал на Женю снисходительно, Лисовский – устало. А она очень надеялась, что супруги магнатов не признают в ее платье недорогую подделку под «Готье»...

«Боже мой! – вдруг захлестнула ее восхитительно-радостная мысль. – О чем я думаю?! Я ведь стою здесь, на сцене! И *они все* – подо мной! А это значит: что я Москву – покорила!.. Уже покорила!.. Гораздо быстрее, чем сама себе представляла – в самых розовых мечтах!.. И пусть про мою «Стрелу» болтают что угодно, вручают-то ее – мне! Да я и не мечтала об этом – еще десять лет назад, когда приехала из своего К.! И тряслась от страха на вступительных экзаменах!..»

Ведущий прервал ее восхитительные, эйфорические мысли. Ткнул в нее микрофоном:

– Расскажите, Женя, как вы дошли до такой жизни?

Хороший вопрос. Очень милицейский.

Она вымученно улыбнулась и сказала заготовленные слова:

– А почему нет? Мне кажется, кошки тоже имеют право на то, чтобы смотреть хорошую рекламу по телевидению!

– Мой кот ворует все подряд, не отвлекаясь на телевизор, – мгновенно парировал ведущий.

В зале засмеялись. Женя на мгновение почувствовала себя цыпленком, которого поймали, чтобы зажарить на ужин. Мучительно промелькнуло: «Что бы ему ответить...» Но ведущий уже исчерпал небогатый запас приколов, отвернулся от нее, сделал знак, чтоб на сцену вышла девушка, облаченная в блестящий комбинезон. В одной руке та держала довольно-таки чухлый букетик. В другой – серебряную палочку с остро заточенным наконечником.

Ведущий принял стрелу, попробовал острие на язык и изобразил, как он, словно дикарь с копьем, нападает на Женю. Та инстинктивно отшатнулась. В зале опять засмеялись.

– Владейте этим копьем! – провозгласил ведущий. – Этой стрелой! И колите им всех, кто посмеет сказать, что коты – бестолковые, вредливые твари! Вы, именно вы, Женя Мурченко, – простите, Марченко! – доказали всем нам обратное!

Грянули аплодисменты разогретого шампанским зала.

Женя успела поймать из второго ряда снисходительно-отеческий взгляд своего бывшего декана Ясена Николаевича Засурского и, наконец, покинула сцену. Спускаясь по неудобным крутым ступенькам, она с завистью подумала почему-то именно о нем: «Хорошо ему – быть взрослым, состоявшимся, старым, знаменитым! Его-то ведущий колоть стрелой не решится... Да и ему стрел никаких уже, наверное, не надо...»

Она вернулась на свое место (победители сидели в партере) и тут же погрозила кулаком в сторону балкона, где громче всех хохотала Татьяна Садовникова, наобещавшая ей приз в виде живого голого абиссинского кота. Кота не подарили. Слава богу, пронесло. Это был просто розыгрыш. Обошлись без подарков вообще – букет подмороженных роз не в счет.

Теперь, когда все – и самое приятное, и самое страшное одновременно – осталось позади, Женя ощущала сильнейшее опустошение. И было немного странно, что все уже кончилось, и больше ее не позовут на сцену, и больше ничего не дадут... Темный зал после света софитов казался еще темнее, а только что полученная «Стрела» – никчемной, абсолютно бесполезной вещью. Что за дрянь, право... Лучше бы, разочарованно подумалось на минуту, дали деньгами...

Женя впервые участвовала в рекламном конкурсе и еще не знала, что победа в нем не дает ничего, кроме известности – в определенных кругах. Она-то надеялась, что вместе со «Стрелой» ей подкинут немного денег.

Впору относить серебряную стрелу в ювелирный магазин и продавать на вес. Известность вроде уже пришла, а стрелу все равно держать негде. На съемной квартирке – страшно, и в агентстве – тоже: уведут, как пить дать своруют... Будут за свою выдавать...

...Женя обессиленно посмотрела на сцену – там продолжалось вялое действо. Она скептически осмотрела полутемный зал. Публика уже подустала, пошумлиwała, на сцену почти не смотрела. То и дело кто-то вставал, выходил из зала, приходил... Народ помоложе пригнулся за спинками кресел и прикладывался к шампанскому. Знакомых рядом не оказалось – родное агентство, за исключением парочки боссов, ютилось на балконе.

Женя, невзирая на потуги ведущего призвать публику к порядку, решила отправиться к коллективу: принять поздравления, выпить, расслабиться. Она выждала, пока со сцены начал спускаться очередной награжденный, встала и направилась к выходу. Пока шла по проходу, на нее многие оборачивались. Некоторые смотрели завистливо, и от этого было приятно и немного тревожно. Женя ускорила шаг и быстро вышла из зала. Надо поскорей влиться в родной коллектив!

В тускло освещенном фойе она оглянулась – никого рядом нет – и бегом бросилась к лестнице, ведущей на балкон. Каблуки звонко топали по паркету, шлейф от платья развевался за спиной и хлопал, словно парус. «Несolidно победительнице так носиться», – самокритично подумала она. И в ту же секунду врезалась в невысокого мужчину, одетого, как и большинство здесь, в строгий и дорогой вечерний костюм. Женя бежала с приличной скоростью – ее нос со всего маху уткнулся в бороду незнакомца. Борода оказалась колючей, Женя ойкнула и принялась извиняться.

Мужчина вежливо склонил голову:

– Госпожа Марченко?

– Да, а мы знакомы? – смутилась Женя.

Он полез в карман, достал дорогой бумажник, вынул из него и протянул ей визитную карточку.

– Дмитрий Бритвин, агентство «Глобус». Мы с вами встречались – на «Ночи пожирателей рекламы».

Карточку она вспомнила – когда-то такую видела. А вот самого Бритвина – хоть убей... Борода вроде знакома – а вот лицо нет...

– Поздравляю с премией, – молвил Бритвин. – Как вам в «Ясперсе»?

Женя махнула пресловутой стрелой и беззаботно ответила:

– Жду прибавки к жалованью!

– А не хотите ли перейти к нам – в «Глобус»? – неожиданно спросил он.

Женя на секунду опешила. Она, как и все в «Ясперсе», считала, что в российских компаниях платят настолько мало, что над предложениями о работе, поступающими оттуда, не стоит даже задумываться... Но из вежливости Женя спросила:

– А чем вы занимаетесь?

– В основном – паблик рилэйшнз, – ответил он. И тут же уточнил: – Освещаем крупные общественные и коммерческие проекты. Презентации, поддержка в прессе и на ТВ...

Женя облегченно перебила:

– Я никогда не занималась пиаром.

Но Бритвин, будто не слыша, продолжал:

– Мы могли бы предложить вам три тысячи. Для начала...

Женя не сдержалась и фыркнула:

– Тогда мне придется ездить на «Оке» до пенсии!

Бритвин слегка усмехнулся и тут же спрятал ухмылку в недрах своей бороды:
– Женья, я имею в виду три тысячи долларов. Ежемесячно.

* * *

Хозяин кабинета откинулся в кресле, полуприкрыл глаза, покойно сложил руки перед собой на столешнице. Казалось, что он совсем не слушает. Но его собеседник знал: впечатление обманчиво – каждое его слово и слушают, и слышат.

Он докладывал сидя, раскрыв на столе папку с документами, – нарочито монотонно, словно желал и впрямь усыпить хозяина кабинета:

– Марченко Евгения Андреевна, двадцать пять лет. Три года назад окончила факультет журналистики МГУ. Специализировалась по рекламе и PRy. Получила диплом с отличием. Начиная с четвертого курса университета работает в сетевом рекламном агентстве «Ясперс и бразерс». Год проработала волонтером, без оплаты. Затем трудилась там же на полставки копирайтером. После окончания университета принята в данное агентство на полный рабочий день. Награждена премией «Серебряная стрела» за лучшую рекламную идею прошлого года... Высокая трудоспособность, умение работать под давлением, очень высокий уровень мотивации, IQ более ста сорока...

Человек докладывал, не заглядывая в бумаги. Данные о Марченко он, казалось, выучил наизусть.

Босс по-прежнему не шевелился. Можно подумать – спал. Но так мог бы решить только очень недалекий человек.

– Марченко, – продолжил докладчик, – является сиротой. Она родом из уездного города К. Н-ской области. Ее отец, Марченко Андрей Евгеньевич, украинец, работал заместителем прокурора города. Скончался от обширного инфаркта пять лет назад. Мать, Елена Алексеевна Марченко, русская, трудилась страховым агентом. Умерла за два года до смерти мужа от рака легких. Братьев, сестер и иных близких родственников у Марченко не имеется.

Сама Евгения Марченко проживает в Москве в течение последних десяти лет – после окончания двух последних классов школы и поступления на первый курс университета. Учась в школе, проживала у престарелой дальней родственницы. Сейчас имеет фиктивную временную прописку. Снимает квартиру и фактически проживает по адресу: Жулебино, улица генерала Кузнецова, дом 18, квартира 176. Марченко не замужем. Постоянного сожителя не имеет. Сексуальный темперамент ниже умеренного...

– Ладно, хватит! – властно перебил хозяин кабинета. – Лучшие скажи: у нас на нее что-то есть?

Посетитель улыбнулся – тускло, углом губ (так зимнее солнце на двадцать секунд выходит из-за бледной тучи):

– Конечно же, есть. На эту Марченко имеется, знаете ли, прелюбопытнейший материал!

Глава 2

Первый рабочий день на новом месте начинался бездарно.

Женя катастрофически опаздывала на работу.

Вот уже полчаса она грустно колесила в окрестностях Петровского замка. «Глобус» должен быть где-то здесь...

Справа, полускрытый мрачными деревьями, угадывался очередной высокий забор, проглядывала калитка КПП. «Еще одна воинская часть, – в отчаянии подумала Женя. – А солдатиков спрашивать совсем уж бесполезно. Только приставать начнут... Не отобьешься потом...» Но она все-таки вышла из машины, сразу утонула в безразмерном сугробе. Бегом, поднимая фонтанчики снега, бросилась к забору. И остановилась в изумлении, увидев долгожданную табличку: «Дворцовая Левая аллея, дом 7В». Нужный адрес!

Женя требовательно нажала на кнопку звонка.

Замок неохотно щелкнул. Она ворвалась в неуютный предбанник с заснеженным полом, заскользила и еле удержала равновесие. Из-за стеклянной перегородки на нее смотрели неприветливые глаза охранника.

– К кому? – с ленивой растяжкой произнес он, неохотно откладывая кроссворд. Смотрел на Женю безудлибно, исподлобья. Комод, натуральный комод: здравствуй, дерево.

Она с трудом подавила в себе искушение ответить охраннику также растяжечно и неприветливо. («Удивительно, как заразительно у нас в России хамство!») Хоть и утро, а нервы уже издерганы: столичными пробками, тем, что полчаса искала злосчастный офис «Глобуса». И еще тем, что она опаздывала на работу. На целых полчаса.

В свой самый первый день на новом месте.

Женя, однако, сдержала раздражение. («Мне здесь работать, я – новичок, я должна быть со всеми в хороших отношениях».) Кокетливо улыбнулась охраннику:

– Моя фамилия Марченко. Евгения Марченко. Я теперь буду у вас работать.

«Секьюрити» хмуро склонил голову над списком. Водил по строчкам толстым пальцем. Проскрипел наконец:

– Есть. Давайте паспорт.

– Пожалуйста, – выдохнула Евгения. – Я пройду?

– Идите! – пренебрежительно бросил охранник. Нет, на него ее чары явно не действовали.

Щелкнул замок. Женя распахнула дверцу, ведущую во внутренний двор. Ее авто осталось без призора за воротами.

Первый рабочий день в «Глобусе» начинался явно неудачно.

Женя оказалась на территории агентства. Двор ограждали двухметроворостые кирпичные стены. По их периметру во дворе торчали крошечные серебристые ели – словно подле кремлевской стены. Сходство с Кремлем усиливало то, что мощная ограда была сложена из красного кирпича. Только бойниц и дозорных башен не хватало. Впрочем, их с успехом заменяли телекамеры – они торчали в углах ограждения и просматривали территорию.

Женя поспешила через двор к офису.

Офис представлял собой двухэтажный особнячок. Он явно диссонировал с могучими стенами: простецкое здание, построенное в пятидесятых годах. Чем-то оно походило на детский садик. А, может, раньше здесь и размещался детский сад. Потом его, наверно, за гроши откупили ушлые коммерсанты, преобразовали в контору, возвели крепостные стены... Обычное дело.

Во внутреннем дворе рядом выстроились машины. Каждая занимала положенное ей место: на асфальте, старательно расчищенном от снега, белой краской написаны номера. Почти

все места заняты. Поближе ко входу в особнячок красовались «Ауди», «Лексус», крошечный «Форд-К», неновый «Фольксваген-Пассат». Подальше от подъезда размещались заурядные «шестерки», «Москвичи», «десятки». Ни одной «Оки» не было, но, прикинула на бегу Женя, в этом ряду ее авто все-таки, наверное, будет смотреться органично. Как некая забавная экзотика.

Поспешая – но все ж таки стараясь не сорваться на несолидный бег, – Женя поднялась по ступенечкам особняка.

Еще пара дверей. Огромный пустой холл. Полно зеркал. Пол скользкий. Женя на вираже чуть не упала.

Поднялась по лестнице на второй этаж. Снова холл. Пустой, даже стандартные офисные пальмы в кадках отсутствуют. И – гостеприимно распахнутая дверь в офис.

В перспективе его просматривалась огромная комната. Белые стены, потолки с точечными светильниками. Выгородки, высотой по пояс, для каждого из сотрудников. За ними угадывалось мерцание компьютеров. Раздавался перезвон сразу нескольких телефонов. Звучали приглушенные голоса. Все было удивительно похоже на ее прежнее место работы. Да и на прочие современные столичные фирмы.

Сразу за распахнутой дверью располагалась круговая стойка со множеством телефонов. За стойкой восседала ясноглазая девица – причесана волосок к волоску, фотомодельный, «кукольный» макияж.

– Здравствуйте, – выдохнула Женя. Голос не выдержал пробежки по двору и лестнице, все-таки сорвался. – Я Женя Марченко, ваша новая сотрудница.

– Здравствуйте, – с любезным ядом молвила девица-красавица. – Олег Петрович давно ждет вас.

«Рецепционистка» окинула Женю изучающим взглядом: всю, с ног до головы. Рассмотрела все: и укладку, и маникюр, и макияж, и ботиночки, и дубленку. Кажется, поняла, что Женин костюм – хоть и итальянский, но отнюдь не от «Армани». А дубленка – явно турецкая. Секретарша снисходительно молвила:

– Меня зовут Юля. Проходите прямо – через всю комнату, до конца. Там вешалки, раздевайтесь. Дверь к Олегу Петровичу – направо.

Через минуту – пройдя огромную рабочую комнату, раздевшись и поправив у зеркала то, что осталось от укладки, наспех сделанной утром, – Женя входила в кабинет к Олегу Петровичу Дубову, генеральному директору рекламного агентства «Глобус».

Когда Женя думала о своем новом шефе, она (ориентируясь главным образом на его фамилию) почему-то представляла его огромным, похожим на Илью Муромца. Но реальный Дубов оказался полной противоположностью нафантазированному образу. Он выглядел словно школьник, прокрававшийся в папин кабинет. Худенький, хрупенький, с острым носиком, Дубов утопал в явно недешевом кожаном кресле. Он был без пиджака, и его рубашка с галстуком выглядели так же дорого, сколь и ноутбук, стоявший на столе перед ним.

Свое маленькое юное личико Дубов палил в экран компьютера и даже не повернул «головы кочан» на звук открывающейся двери.

Однако Женю он все же заметил, потому как, не отрываясь от монитора, молвил:

– Марченко. – Голос его оказался бесцветным, напрочь лишенным интонаций. Он не вопрошал, не казался ни приветливым, ни рассерженным, ни раздосадованным. – Вы опоздали на сорок пять минут, – столь же равнодушно констатировал он, по-прежнему не глядя на Евгению.

– Большие пробки. Незнакомая дорога. Вашей улицы даже на карте нет, – попыталась оправдаться Женя, беспомощно улыбаясь. Однако в ответ не услышала (как она втайне надеялась) никакой человеческой, никакой мужской реакции. Ни капли интереса к ее, Жениной, личной жизни.

Ни заинтересованного вопроса: «А на чем вы, такая юная, ездите?»

Ни: «А далеко ли вам добираться?»

Казалось, частная жизнь Евгении господина Дубова абсолютно не интересовала. Или – он и без того все о ней знал.

По-прежнему не глядя на Женю, Дубов обронил:

– На первый раз объявляю вам, Марченко, устное предупреждение. Если подобный инцидент повторится второй раз, вам будет вынесено письменное замечание. В третий раз вы будете оштрафованы. На сто долларов. Четвертого раза ни мы, ни вы – надеюсь! – не допустим.

В продолжение всего монолога Дубов ни разу не глянул на Женю. Маленькое личико его оставалось бесстрастным. «Вот сухарь», – в сердцах подумала она. И сразу же придумала Дубову прозвище: «Хилый Босс».

На ее прежнем месте понятие «трудовая дисциплина» было весьма условным. Имелись срочные дела – засиживались за полночь. Нет – приходили к обеду. Во всяком случае, на такую мелочь, как получасовое опоздание, особого внимания никто не обращал.

«Может, я все-таки напрасно перешла сюда работать? – тоскливо подумала Женя. – Хотя... Наверное, за свои три штуки «зеленых» этот чурбан имеет право требовать... Где, скажите, мне еще столько же заплатят?..»

– А теперь – ступайте к Бритвину, – закончил выговор начальник. Голос его оставался таким же безразличным. Смотрел он по-прежнему в сторону. – Вы поступаете в его распоряжение.

Дубов наконец повернул к ней свое молодое, но бесцветно-скопческое лицо. Глянул сквозь очки. Его маленькие глазки оказались неожиданно жесткими.

– Дима Бритвин теперь ваш, как говорится, царь, бог и воинский начальник.

Хилый Босс соизволил изобразить подобие улыбки – если, конечно, поднятие на двадцать градусов левого угла рта можно назвать улыбкой.

Женя улыбнулась в ответ и вышла из кабинета. Она пыталась себя подбодрить: «Чего мне бояться?! Подумаешь, Дубов!.. Хрен с горы!.. Хилый Босс!..» Но ноги отчего-то дрожали.

К счастью, у начальственного кабинета ее уже ждал Бритвин. Он сочувственно взглянул на Женю:

– Досталось? Забыл тебя предупредить – у нас опаздывать не принято... Ничего, что я на «ты»?

– Ничего, Дмитрий Иннокентьевич, – вздохнула Женя. В горле отчего-то щипало, ноги до сих пор были ватными. Колдун какой-то этот Дубов, будто загипнотизировал ее...

– Дима, просто Дима. И тоже – на «ты», – сказал Бритвин. Он тепло улыбнулся.

Женя потихоньку оттаивала.

К ним подошла уже знакомая секретарша Юля. Она явно слышала последнюю фразу Дмитрия и одарила Женю недовольным, завистливым взглядом.

«Вот и началось!» – Марченко тут же вспомнила слышанные от коллег ужастики о взаимной враждебности сотрудников «Глобуса».

Юля между тем протянула Бритвину трубку радиотелефона и ласково пропела:

– Дмитрий Иннокентьевич, звонят из «Новой жизни». Будете разговаривать?

Бритвин принял телефон, извиняясь, улыбнулся Жене. Юля поспешно ретировалась.

Женя осталась стоять рядом с разговаривавшим Дмитрием – идти было некуда. Ведь она даже не знала, где располагается ее рабочее место. Из-за выгородок поглядывали сотрудники, но никто не подходил, не знакомился. Мимо продефилировали две молодые женщины – одеты дорого, смотрят снисходительно. Явно обсуждали ее, Женю. Марченко явственно услышала: «Свежее мясо!» Неужели это сказано о ней?! Она еще больше занервничала.

Чтобы не смущать говорившего по телефону Бритвина, Женя отошла немного в сторону. Случайно толкнула девушку, поспешавшую с грудой папок наперевес. Марченко немедленно извинилась, но девушка только шарахнулась и ничего Жене не ответила.

А Бритвин в это время вещал своему телефонному собеседнику:

– Рекламную концепцию вам представят завтра. Ее делает Евгения Марченко...

Он нажал отбой, удовлетворенно отложил трубку, улыбнулся Жене:

– Слышала? Вот тебе и первое задание... «Новая жизнь» – это строительная компания. Бери у Юли все материалы и приступай! Концепция мне нужна завтра утром. В три часа будем заказчику презентировать...

Но... но такого не может быть! Ведь рекламная концепция готовится минимум неделю! И этой работой занимается целый коллектив. В него входят и несколько таких текстовиков, как Женя, и дизайнеры, и менеджеры, и медиа-байеры³, и медиа-планнеры!⁴

К тому же – Женя никогда не занималась подготовкой рекламных концепций! Даже для знаменитого корма «Муркас» она всего лишь придумала *идею*! И базовый текст. А сценарии роликов писали уже другие. И размещали их на ТВ – тоже!.. Бритвин смеется! Или – просто над ней издевается!

Дмитрий внимательно взглянул в ее растерянное лицо. Кажется, хотел сказать что-то доброе (единственный нормальный человек во всем «Глобусе»!). Но произнес только:

– Тебя проверяют, Женя. Придется постараться. Справишься?

Она браво ответила:

– Справлюсь!

А что оставалось отвечать?

Бритвин отвел Женю в положенный ей закуток-гробик размером два на два метра – и тут же исчез. Она осмотрелась. Компьютер, телефон, полки с беспорядком из старых бумаг. Прежним хозяином закутка, кажется, был мужчина. На стене сохранился плакат, изображавший ярко-красную хищную «Мазератти». На краю стола стоит резиновый дракончик с грустными глазами. К столу приклеен стикер с напоминанием: «В марте – позвонить конникам!»

Тот, кто работал здесь до нее, до марта на своем месте не досидел... Интересно, кем он был? И почему ушел из «Глобуса»? Женя решила спросить об этом Бритвина. Но тот заскочил к ней в кабинет только для того, чтобы сказать:

– Чего расслаживаешься? Тебя уже в «Новой жизни» ждут! Встречаешься с главарем. Не забудь только сказать ему, что ты – руководитель проекта, с «шестерками» он не общается.

Женя покорно подхватила дубленку и отправилась на встречу. В конце концов, чего ей терять? Концепция так концепция, отчего ж не попробовать? Вдруг у нее и здесь все получится? Если уж она даже несговорчивую котоведку Жаннет расколола...

...Она ушла домой из «Глобуса» в восемь вечера, так ничего и не придумав.

Наскоро поужинав и привычно постучав по батарее шумным соседям-алкоголикам, устроилась на диване, разбросав вокруг бюллетени, планы супер-квартир от «Новой жизни», фотографии, сделанные на стройплощадках...

Женя думала долго, мучительно призывала вдохновение и злилась, что оно никак не приходит...

В четыре утра она твердо решила: сегодня же уволиться. А в пятнадцать минут пятого, когда Женя хоронила за чашкой крепкого кофе свою будущую блестящую карьеру в агентстве «Глобус», в голову наконец-то пришла *идея*.

³ Специалист, закупающий рекламные площади в прессе и рекламное время на ТВ.

⁴ Специалист, составляющий график выхода рекламы в прессе и определяющий наиболее эффективные объемы рекламных обращений.

Женя лихорадочно бросилась записывать, кофе был забыт... К семи утра черновик оказался готов.

Спать смысла не было.

Евгения приняла душ, почистила зубы и поехала на работу.

В такую рань особого аншлага на улицах не наблюдалось. Женя на первом же зеленом сигнале светофора миновала обыкновенно пробочную Таганку, пронеслась по набережной, с удовольствием проехала по полупустой Моховой... Сворачивая с Манежной на Тверскую, она впервые не умирала от страха, что на сложном левом повороте ее зажмет какой-нибудь умник. «Да-а, в ранне-утренней езде что-то есть», – оценила она.

Если бы еще так спать не хотелось!

Подрулив к уже знакомойлевой Дворцовой аллее, Женя припарковалась чуть в стороне от офиса. Она минут десять погуляет, прочистит мозги и постарается разогнать сон.

За ночь выпал легкий снежок, и Женя с удовольствием утаптывала припорошенные тропинки. Она еще раз прокрутила в уме придуманную ночью концепцию. Кажется, получилось неплохо. Особенно для того, кто никогда столь глобальных концепций не писал. «Что поделаешь – талантливый человек талантлив во всем!» – не очень самокритично подумала Женя.

Подходя к офису, ожив после небольшой прогулки и наслаждаясь своей концепцией, она столкнулась с генеральным директором Дубовым. Олег Петрович шел пешком, помахивал «дипломатиком».

«Смотри-ка, он не на машине... – отметила Женя. – Здоровый образ жизни ведет? Старается быть ближе к народу? Или живет неподалеку?»

– Доброе утро! – улыбнулась она начальнику.

– Здравствуй, Марченко, – проскрипел Дубов, ныряя в будку КПП.

Его лицо не выразило никаких эмоций. «Хоть бы по имени назвал! Или похвалил, что я так рано... Дуболом!.. Хилый Босс!..» – весело подумала Женя.

Сегодня она совсем не огорчилась холодному приему. Кажется, придется к этому привыкнуть. «Наверно, Дубов – извращенец. Мазохист или... или зоофил!.. Потому и комплексует, видя красивых девушек!» – подумала она и еле удержалась от смеха.

Женя пропустила шефа вперед, задержалась на КПП и выдержала битву со вчерашним не приветливым охранником. Она таки добилась, чтобы ее «Оке» теперь разрешили заезжать во внутренний двор «Глобуса». Правда, парковку ей определили самую дальнюю. От подъезда – метров пятьдесят. Но Евгения самоуверенно решила, что очень скоро за ударный труд ее переведут на более почетное место...

В половине девятого она уже вовсю колотила по клавиатуре компьютера. Пришедшая в девять Юлия посмотрела на нее удивленно. Спросила:

– Кофе хотите?

– Ой, Юлечка, – весело сказала Женя, не отрываясь от клавиатуры, – а можно мы с вами будем на «ты»?

Рецепционистка польщенно улыбнулась, сказала важно: «Я не против», а потом принесла Жене чашечку крепчайшего «эспresso».

Появился Бритвин. Еще не сняв дубленку, подошел к ней. Глянул на Женино осунувшееся, но радостное лицо, потер руки и сказал:

– Ну? Я вижу – что-то родилось? Давай, пойдем ко мне, изложи.

Направляясь вместе с Бритвиным к его кабинету, Женя еле сдерживалась, чтобы идти с ним в ногу и не ускорять шаг. А когда пришла и уселась – выровняла дыхание и настроила себя: говорить неспешно, аргументированно и убедительно. Негоже ей, обладательнице «Стрелы», смущаться и ерзать.

Бритвин выслушал ее молча. Никаких наводящих вопросов. Никаких «м-да», «забавно» или «нет, это вряд ли пойдет». Он дождался, пока Женя закончит и захлопнет папку. Внимательно взглянул на нее и спросил негромко:

– Ты концепциями раньше не занималась?

В его тоне Евгении почудилось сожаление. «Ну все, я пропала», – мелькнула истеричная мысль. Она твердо взглянула на него и решительно – лучше уж сразу! – спросила:

– У меня ничего не вышло?

– Напротив – вышло. И вышло совсем неплохо. Но нужно обсудить с Дубовым. *Мне* обсудить. Иди к себе, я тебе позвоню.

Женя смотрела на Дмитрия и купалась в его одобрении. Не удержалась и уточнила:

– Вы это серьезно, что неплохо?!

Он улыбнулся – устало, одними глазами. И ей опять показалось, что она видит в них сожаление...

– Иди, Женя, иди. Обустраивайся...

– А чей это дракончик у меня на столе? – вдруг вспомнила она.

И заметила, как Бритвин смутился:

– Дракончик? Какой дракончик? Игрушечный? А, это Ленкин. Он у нас больше не работает.

– Так, может, позвонить? Передать ему? – проявила инициативу Женя. Ей почему-то показалось, что неизвестный Ленка будет рад получить свою игрушку.

Но Бритвин сухо сказал:

– Никому звонить не надо. А дракона можешь выбросить. Иди, Женя, иди...

Марченко возвратилась в свой закуток. Нужно побыстрее навести здесь порядок – выкинуть ненужные бумаги и вытереть пыль. «А то прицепят новое задание, столь же срочное, что и «Новая жизнь», – так и буду в бардаке сидеть...»

А Женя бардак не любила. С беспорядком еще можно мириться на съемных квартирах, где все равно все чужое. Но здесь, в «Глобусе», у нее будет *свое* и уютное рабочее место.

Нужно поскорей привести его в божеский вид.

Женя попросила у секретарши коробку и принялась складывать туда старые бумаги с книжных полок. Какие-то таблицы, графики, диаграммы, изображающие объемы продаж, – ничего интересного, если не знаешь, о чем идет речь. Она и не рассматривала – еще чего, время терять! Единственный раз ее взгляд задержался на странной пометке на полях какого-то договора. Размашистым, резким почерком там было написано: «*Все кончено!*»

Что, интересно, кончено? Заказчики договор, что ли, не подписали? Женя автоматически взглянула в конец договора – нет, подписан. С одной стороны – закорючка Хилого Босса Дубова и печать «Глобуса». С другой – какое-то агентство «Кентавр» и его директор – некто П.И. Сердечкин. О чем речь-то? Женя только успела открыть договор, как услышала за спиной кашель – кажется, Бритвина. И тут же раздался пронзительный голосишко Хилого Босса:

– Марченко!

Она отбросила договор, резко обернулась. Дубов, еле дотягивающийся до плеча Бритвину, выглядел сногшибательно злым. Глазки блестят, бледное личико разрозовелось... Эй, а он на нее не бросится?

Колени опять задрожали. Она покраснела, пролепетала:

– Но...

– Никаких «но»! Для старых бумаг существует шредер!

Бритвин взглянул на нее из-за спины Хилого Босса, успокаивающе кивнул головой. Но Женя уже тоже разозлилась. Да что за бешеный тип этот Дубов, в конце-то концов! Она что – у *него* в столе, что ли, роется?!! Случайно открыла старый договор, который, между прочим, *лежит* на *ее* рабочем месте!

Женя изо всех сил форсировала голос, так и порывающийся сорваться на дрожащие нотки, и парировала:

– Тогда купите мне шредер. И – наймите уборщицу!

В ответ на такое наглое заявление ее предыдущий начальник, ирландец Брюс Маккаген, тут же разразился бы вкусной ругательной тирадой. Дубов же только кисло улыбнулся и вышел из ее закутка. А Бритвин посмотрел на нее с укором:

– М-да, Женя, это перебор. Хотя я тоже виноват. Должен был предупредить: у нас не принято смотреть чужие документы. Внутренняя коммерческая тайна.

Она жалобно взглянула на него:

– Я же просто выкидывала старые бумаги...

– Ладно, проехали, – вздохнул он. – В общем, слушай: Дубову твоя концепция понравилась. Велит срочно составлять смету и слать в «Новую жизнь». Быстренько все просчитай и мне неси – я проверю. До завтра успеешь?

Женя только вздохнула – придется успеть.

...И понеслась ее новая жизнь в «Глобусе». В тот день Женя оборвала телефон и охрипла, но к вечеру предварительная смета уже была готова.

Бритвин взялся сам доводить ее до ума.

А Женю тут же перебросил на следующих заказчиков – делать рекламу медицинскому центру. Опять срочно, опять без обеда и снова нет времени даже на то, чтобы хотя бы перемолвиться словечком с девушкой, что сидит в соседнем загончике. Марченко про себя подумала: «М-да, когда же я познакомлюсь со всеми коллегами? Наверно, через годик-другой...»

...За целую неделю работы ее представили только двум дизайнерам – те всюду ходили вместе и носили фамилии, словно у комического дуэта – Тряпкин и Трубкин. Оба одевались в демократичные свитера и джинсы, в ушах имели по несколько сережек. Один (вот только Женя не запомнила, кто) был брит наголо, второй отращивал длинейшие волосы. Кажется, они и жили друг с другом. Впрочем, данную версию еще предстояло проверить.

Кроме дуэта дизайнеров, Женя познакомилась с главным бухгалтером, Федором Степановичем. Тот, седой милейший дядечка, сразу проявил к ней недвусмысленный интерес. Немедленно пригласил отужинать вместе. Однако после того, как Женя решительно (и даже сурово) отказала, настаивать ни на чем не стал. Больше с его стороны не последовало ни единой сальности, ни одной пошлости. Улыбался при встрече. Порой проборматывал на ходу изысканно-старомодные комплименты.

А с остальными сотрудниками Женя здоровалась, даже толком не зная их по именам.

Сослуживцы приветствовали ее вежливо, но сходиться не стремились. Они и между собой держались прохладно и отстраненно. Совместный бизнес не обсуждали. Еще реже говорили о модных премьерах или ресторанах и никогда – о своей личной жизни. Женя даже до сих пор не узнала, почему ее ближайший коллега Бритвин носит обручальное кольцо на левой руке. Католик он, что ли? Или, скорее, вдовец? Ну и ладно, не очень-то интересно.

Многие обращались друг к другу на «вы», и никаких, упаси боже, подколов или розыгрышей, чем часто грешили бывшие коллеги Жени из «Ясперс и бразерс». Она с тоской вспоминала, как на прошлое первое апреля Брюсу Маккагену – самому боссу Маккагену! – в кабинет подкинули живую древесную лягушку, приобретенную в складчину в ближайшем зоомагазине. Думаете, Брюс рассердился? Да он хохотал громче всех, а для несчастной перепуганной лягушки приказал купить террариум. А тут – попробуй изобрази что-либо подобное с Хилым Боссом. Предупреждением явно не отделаешься...

Еще и пахать заставляют так, что Женя уже и не надеялась, что ей когда-нибудь удастся нормально пообедать или выспаться. За рабочую неделю она извела целый пузырек «Визина» – в глазах все время щипало. Но зато – похудела аж на четыре килограмма, чему была несказанно рада. И заработала – семьсот пятьдесят долларов! (В пятницу вечером она расписалась

за тысячу рублей официальной недельной зарплаты – и получила в конвертике семьсот пятьдесят «зеленых» наличными).

Сумма вскружила голову. Скоро сбудется ее мечта – она обзаведется собственной квартирой! Ах, как жаль, что некому порадоваться за ее успех! Уже нет ни мамы, ни папы... Ни друга рядом... Как она одинока! Остается делить свою радость с немногочисленными подружками...

Женя позвонила Тане Садовниковой, бывшей коллеге из «Ясперс и бразерс».

Татьяна обрадовалась:

– Привет, госпожа Мур-рченко! Какая ты молодец, что звонишь!

Когда Женя услышала веселый Татьянин голос, у нее чуть слезы на глаза не навернулись. Как хорошо им работалось в «Ясперсе»! Вместе пили кофе, шутили, делились друг с другом последними сплетнями. Не то что в холодном «Глобусе»!..

Таня охотно согласилась встретиться с Женей. Она предложила – для начала – отправиться в кафешку со странным названием «Джаннагат», а потом пойти куда-нибудь потанцевать.

– Что за «Джаннагат» такой? – подозрительно спросила Женя. Она об этом заведении никогда не слышала.

– Хит сезона! – заверила Таня. – Вегетарианское бистро, здоровое питание, лечебные коктейли на травах!

– У меня была такая неделька, что я выпила бы чего покрепче, – призналась Женя.

– Так мы ж потом на дискотеку пойдем! Там и лечебное питание растрясем, и пивка дернем!

С подобной корректировкой Женю план устроил, и девушки договорились встретиться в «Джаннагате» в субботу в семь вечера.

Женя в субботу впервые за неделю выспалась – проспала столько, что лицо припухло, пришлось протирать его кусочками льда. С удовольствием повалялась в ванной, сделала масочку, поцелкала каналами «ящика». Перестирала одежду и привела в порядок ногти.

С утра она всю наслаждалась одиночеством, но после обеда заскучала. Бродила по квартире, злилась на полинявшие обои, пыталась закрутить плоскогубцами подтекающий кран. Черти бы взяли эту безликую квартирку! Поскорей бы отсюда съехать – или хотя бы уйти на вечер.

В «Джаннагат», на Кузнецкий Мост, она отправилась на такси. «Белка» пусть отдохнет, а на метро, автобусе или маршрутке Женя больше вообще ездить не будет. С ее зарплатой теперь можно хоть вертолет заказывать!

Женя в очередной раз с удовольствием подумала о зеленых купюрах, что лежали дома в жестяной коробке из-под чая «Липтон». Ох и приятно – сколько денег, и всего за одну неделю. А что работа тяжелая и коллеги противные – это мы переживем. Трудности закаляют! Только бы и дальше платили столь же часто и столь же много. Тогда всего за год она заработает на очень приличную, пусть и однокомнатную, квартирку...

Таксист ехал осторожно – оправдывался, что лысая резина. Женя в «Джаннагат» чуть-чуть опоздала.

Тани в ресторане тоже не оказалось. Женя сообщила метрдотелю, что столик заказан на Садовникову. Тот проводил ее – она уселась и погрузилась в меню. В ресторане было полутемно, звучали восточные мелодии и запрещалось курить. За соседними столиками располагались сплошь иностранцы, с удовольствием поглощавшие здоровую пищу. На их тарелках лежали сырные шарики под соусом из трав и пророщенные бобы. Какая гадость!..

Женя заказала себе пресловутый коктейль из лечебных трав и салат-бар. Ее уработанному организму совсем не помешают свежие овощи. А к ним – супчик с гречками.

Женя утолила первый голод и взглянула на часы.

Татьяна опаздывала уже на сорок минут.

Раньше с ней подобного не случалось.

Женя достала мобильник. Стала искать в памяти аппарата Татьянин номер, когда телефон зазвонил сам.

– Женечка, прости меня! – раздалось в трубке.

Но голос Садовниковой звучал скорей не виновато, а зло.

– Что случилось? – забеспокоилась Женя.

– Да мне какая-то сволочь колеса проколола! – прокричала Таня.

– Ты менять не умеешь? – не удержалась от шпильки Женя.

– Не колесо, а ко-ле-са! – крикнула Таня. – Два сразу!

– Да ты что? Кто? Где? Я приеду!

– Не суетись, Женька, – охлонила ее Таня. – Я справлюсь. Уже еду в магазин. Но ты ж понимаешь – пока куплю, привезу, поменяю... В общем, давай часов в десять в «Голодной утке», о'кей?

Женя отложила телефон. Фу, как обидно. И Таньку жалко. Испортили ей субботний вечер. Вместо ужина возиться с дурацкими колесами. Интересно, что за сволочь это сделала? Таня рассказывала: у нее, как и у Жени, довольно противные соседи...

Но и себя Жене тоже было жалко. Сиди теперь одна, как дура, в этом «Джаннагате»...

Женя махнула официанту. Она решила расплатиться и пройтись по магазинам. И где-нибудь по дороге съесть банальную пиццу, запив ее пивом.

Но она не успела встать. За ее столик по-хозяйски уселся молодой мужчина. Он держался настолько уверенно, что Жене показалось: парень ее с кем-то путает.

Незнакомец обратился к ней задушевно, словно к старой знакомой:

– Девушка, вам не кажется, что в «Джаннагате» – все хорошо... Кроме того, что здесь нет пива?

Фи, да это просто банальный «клеящик». Наверняка приезжий. Москвичи уже давно в ресторанах – особенно в недешевых – не знакомятся. А этот опьянел от безалкогольного коктейля и решил атаковать ее с провинциальной нахрапистостью.

– Зато в «Джаннагате» есть надоедливые мужчины, – буркнула Женя.

Молодой человек совершенно не обиделся.

– Первая реакция – абсолютно верная, – с удовольствием произнес он.

– Чего-чего? – не поняла Женя.

– Ну, а как же – приличные девушки никогда с первого червяка не ловятся. Значит – вы девушка приличная! – заключил клейщик с очаровательной простотой.

Жене не очень понравилась аллегория с червяком. Но парень был вроде бы ничего – по крайней мере, без явных дефектов. Не рябой, не кривой, пахнет от него вкусно – кажется, «Гуччи».

– Так как насчет пива? Банального бутылочного пива в хорошей компании?

Да он что, за дуру ее, что ли, держит? Сейчас начнет звать на день рождения к другу – на пьянку с сексом? Или – на секс с пьянкой?

Женя с достоинством поднялась из-за стола.

– Молодой человек, как вас там, я очень занята.

– Миша! Меня зовут Миша, – с готовностью сообщил он. Тоже поднялся и вместе с ней потянулся к выходу. – Ну, как мы все-таки поступим с пивом?

– Никак, – отрезала она. – Дайте мне пройти.

Женя расстроилась – неужели она похожа на девушку, которой можно предлагать подобное? Ну и вечер сегодня – и Танька ее подвела, и дурак какой-то прицепился!

Дурак, однако, не отставал.

– Девушка, милая! Всего одна бутылка пива! В скверике, возле ЦУМа! Здесь замечательный двухэтажный автобус на вечном приколе. Давно мечтал на нем прокатиться. Составите компанию хорошему человеку?

Женя еще раз взглянула на него. Нет, этот Миша на маньяка не похож. Медальное мужественное лицо. Маленький шрамик у глаза. И глаза синие – очень красиво. Большими деньгами от него, конечно, не пахнет – но за пиво вроде заплатить в состоянии. Может, рискнуть? Ей все равно часов до десяти вечера делать нечего. Не подсыплет же он ей клофелин в центре столицы! Все лучше, чем пить пиво в гордом одиночестве.

– Ладно, только – одна бутылка. И не далее вашего двухэтажного автобуса, – строго сказала она. – Полчаса у меня есть.

Миша просиял и галантно свернул руку в крендель:

– Отлично! Вы вернули мне веру в человечество!

Глава 3

Выходные пролетели быстро. Женя не успела оглянуться, как снова наступил понедельник. Начиналась ее вторая рабочая неделя в «Глобусе».

...В понедельник Женя впервые увидела, как Бритвин смеется. И улыбка, и смех начальнику очень шли. Его лицо утопало в милых морщинках. Глаза лучились и казались совсем молодыми. Женя невольно улыбнулась в ответ.

– Чему вы радуетесь? – поинтересовалась она.

– Женечка, мы, кажется, перешли на «ты»! – поправил ее Дмитрий.

– Так чему... – Женя запнулась, – *ты* радуешься?

– Погода сегодня хорошая, – хитро улыбнулся Бритвин. И добавил – с интонацией бесшабашного подростка: – Настроение – тоже ништяк.

Женя начальственного оптимизма не разделяла.

За окном сыпался неприветливый февральский снег. Кондиционеры в офисе работали плохо – Женя мерзла в легкой шелковой кофточке, непредусмотрительно надетой под деловой костюм. Часы на стене показывали начало десятого утра. А в десять начнут звонить въедливые заказчики из медицинского центра, требовать слоган, который еще не готов. Чего уж тут хорошего?

Но Женя спорить не стала. Нравится Бритвину погода – пусть радуется.

– Я придумал слоган для медицинского центра, – сообщил ей Дмитрий, продолжая улыбаться.

Прелюдия окончена. Начальник заговорил о делах. Женя вздохнула и открыла папку, приготовилась записывать.

– Здоровье – заразительно! – провозгласил Бритвин. – Это – афоризм Лихтенберга. Хорошо сказано, а?

М-да, необычный девиз. Запоминающийся. Только зануды из медицинского центра его сроду не утвердят.

– Да ладно, не пиши! – Одернул ее Бритвин. – И вообще – пошли своих медиков куда подальше. У нас с тобой – новое задание.

– Но... – протянула Женя.

– Без «но». Слова «но», «нет» и «не могу» в «Глобусе» не приветствуются... Передай текущие дела Кате, она уже в курсе.

Женя не знала, кто такая Катя, но спрашивать не стала – выяснит сама. Интересно только, что говорить медикам, когда те начнут обрывать телефон?

Она покорно закрыла папку и спросила:

– А что за новое дело?

– Ищем таланты!

Бритвин наклонился к ее уху и понизил голос:

– Наш Дубов – рухнул с дуба! Опять подписал договор с оргкомитетом «Идеального рассказа».

Он отодвинулся от нее и сказал в полный голос:

– Так что нам с тобой придется выступить в роли отборочной комиссии.

Женя что-то слышала про конкурс на «идеальный рассказ». Когда-то о нем упоминал сослуживец из «Ясперс и бразерс» Леша Данилов. Леша в прошлом году посылал в «Идеальный рассказ» свой опус. Никакого приза не получил и ворчал, что жюри отбирает не нормальные произведения, а высоколобую, завиральную муть.

Женя удивленно посмотрела на Бритвина:

– Но... Мне казалось, что в таких конкурсах в жюри сидят писатели? Мы-то кто такие, чтобы решать, что талантливо, а что – нет?

Дмитрий, блестя глазами, высокомерно заявил:

– А чем мы с тобой не писатели?! Тоже пишем – и слоганы, и рекламные тексты!

Ну точно, у начальника крыша поехала. Или анаши накурился. Бритвин перехватил удивленный взгляд Жени и сказал – уже нормальным тоном:

– На самом деле мы займемся только предварительным отбором. Будем отсекаать неграмотные, вторичные или явно безумные тексты. Окончательный выбор, конечно, оставим господам писарчукам.

У Жени на языке вертелся еще один вопрос: зачем «Глобусу» это нужно? Разве на подобном конкурсе можно заработать? Она не успела спросить, Бритвин объяснил сам. И сейчас его глаза смотрели не улыбочиво, жестко:

– Дубов сказал, что контракт с «Идеальным рассказом» – очень ответственный. И выгодный. Нужно бросить на него лучшие силы...

Женя не успела порадоваться тому, что уже попала в «лучшие силы». Она случайно заглянула Дмитрию в глаза и увидела: от его веселого, дурашливого настроения не осталось и следа. В глазах Бритвина теперь плескалась такая тоска, что у Жени даже в сердце закололо.

– Что с вами? – тревожно спросила она.

Дмитрий взглянул на нее отсутствующим, непонимающим взглядом. Его зрачки расширились, и глаза казались совсем черными, страшными. Жене показалось, что Бритвин сейчас упадет, забьется в судорогах, закричит нечеловеческим голосом...

Но тот мгновенно взял себя в руки:

– В каком смысле – «что со мной»? Все в порядке, пошли работать.

Женя отнюдь не считала, что с ним все в порядке, но спорить она не стала. Как сказал Дубов – «Бритвин вам воинский начальник!» А ни приказы, ни, тем паче, здоровье начальника обсуждению не подлежат.

В закутке, примыкавшем к кабинету Бритвина, стоял картонный ящик, до краев заполненный рукописями. К каждой из них был пришпилен конверт с адресом отправителя. Сверху лежала опись: семьсот сорок два соискателя.

– И нам придется все это читать? – опасливо спросила Женя.

Она успела заметить, что многие рассказы написаны от руки, причем почерк оставлял желать много лучшего.

– Придется, – подтвердил Дмитрий. – А что ты хотела – работаем *under pressure*.⁵

«М-да, сколько я еще выдержу под таким давлением?» – мелькнула у нее мысль.

Женя вздохнула и отправилась искать Катю-менеджера, которой предстояло сдать неоконченную работу по медицинскому центру.

Катя оказалась милой пухлощеклой девушкой. Она встретила Женю приветливо, совсем не «по-глобусовски». Сразу, без приглашения, перешла на «ты». Тепло улыбнулась.

– На рассказы тебя бросили? – поинтересовалась Катя. – Сочувствую, работка адова. Я в прошлом году ими занималась. Хочешь совет? Выбирай самую чушь. Всякие «субстанции, обладающие самосуществованием»... Ангелов там каких-нибудь на шпиле Петропавловского собора...

– А нормальные рассказы отбирать нельзя? – иронически спросила Женя. – С сюжетом, интригой, героями?

Катя погрюстнела:

⁵ Здесь: «под давлением» (англ.). Умение работать «под давлением» – обязательное требование для работников в солидных фирмах с высокой зарплатой.

– Можно, конечно. Только их все равно зарубят... Ну, давай своих медиков, они уже телефон оборвали.

Женя отделилась от папки с материалами по медицинскому центру и направилась обратно к Бритвину. Ей не терпелось прочесть пару-тройку настоящих *рукописей*. Смешно сказать – закончила журфак, а рукописей никогда не читала. Даже от положенной на втором курсе практики в районной газете ей удалось отмазаться. С помощью своей профессорши, научной руководительницы, она прикрылась проводимыми ею архиважными исследованиями по рекламе. Ну вот, графоманские рукописи все равно ее настигли...

Бритвин был «в процессе» – ноги закинута по-американски на стол, дымится поллитровая кружка с кофе, в руках – рукопись, почему-то написанная красными чернилами.

– Интересно? – полюбопытствовала Женя.

– Ага-а... – протянул Дмитрий. – В сопроводительном письме автор сообщает: «В настоящее время я нахожусь на излечении в больнице имени Ганнушкина, просьба ответить по адресу: отделение номер три, палата номер семь...»

Он отшвырнул рукопись в коробку с грозной надписью «брак» и тут же взялся за следующую.

– Давай, подключайся. У нас на все про все – три дня.

Женя не удивилась неприлично жестким срокам – уже успела привыкнуть, что в «Глобусе» с сотрудниками не церемонятся.

Только вот что ей делать с новым знакомым Мишей? И со свиданием, назначенным на сегодняшний вечер?

Миша Бобров, с которым Женя познакомилась в «Джаннагате», Женю заинтриговал. Хотя мужчины не интриговали ее уже давно. Сильный пол – особенно *столичный* сильный пол – казался ей слишком предсказуемым. Мужское поведение, как считала Женя, укладывалось в одну и ту же примитивную схему: поцелуемся – переспим – поживем вместе – и, возможно, даже поженимся... Когда-нибудь...

Ее такой вариант не устраивал. Никак не устраивал. Скучища – переспим, поживем... А где загадки, где романтические безумства, где то самое *чувство*, веками воспеваемое в мировой литературе?!

Но с Мишей из «Джаннагата» чувство *могло бы* возникнуть. Когда-нибудь, еще не скоро – она *теперь* никогда не торопит отношения! – но *могло бы*.

В субботу они провели вместе всего час. И все получилось так, как хотела Женя: невинное пиво в двухэтажном британском автобусе, стоявшем на вечном приколе в скверике у ЦУМа... Легкий треп и обмен визитками. Никаких циничных предложений, он даже за руку ее не решился взять. И это выглядело довольно необычно – в последнее время Марченко стала кивалась исключительно с нахрапистыми мужчинами, которые даже на комплименты не расщедривались. Сразу лезли слюнявиться или под юбку. Даже приличнейший старичок-бухгалтер из «Глобуса» – и тот пытался чмокнуть ее в щечку. А один из «глобусовских» дизайнеров (то ли Тряпкин, то ли Трубкин) сразу вознамерился схватить ее за грудь. Пришлось бить по шаловливым рукам.

А этот Михаил – корректный до безобразия. Кажется, почувствовал, что она не склонна форсировать события. А если мужчина *чувствует* твоё настроение – это ведь уже хорошо.

И еще Женя, призвав на помощь изученные в университете начатки психологии, а также собственную интуицию, решила, что Миша – не злой, как многие москвичи. И не циничный. Может, их случайная встреча когда-нибудь перерастет в настоящий роман? *Красивый роман?* Впрочем, пока об этом говорить рано. Нужно объект изучить и тщательно проверить. И только потом решать, стоит ли синеглазый Михаил более пристального внимания...

А теперь что же, из-за «Идеального рассказа» ей придется откладывать интересный процесс «психологической расколки» Боброва?

«Хренушки!» – решила Женя.

Не может же она вообще не отдыхать? Конечно, полноценного свидания не получится, но почему бы часок и не развеяться?

Миша пригласил ее в «Якиторию», японский ресторанчик. А Женя давно хотела попробовать и суши, и сашими, и, может быть, саке...

«Когда мне еще удастся поесть в японском ресторанчике – опять же на халяву? – решила она. – А конкурсные рассказы можно взять домой. Почитаю их ночью. Так что извиняй, Хилый Босс, сегодня я уйду из «Глобуса» в половине седьмого».

Памятуя о беспросветных пробках на Ленинградском проспекте, Женя на свидание выехала с запасом.

Однако пробок не оказалось, и в итоге она приехала раньше минут на двадцать. Решила подождать Михаила прямо в ресторане.

Она миновала швейцара, одетого самураем, и с любопытством рассмотрела ряды разнообразных суши, что красовались в витрине перед стойкой бара. Интересно, вкусные эти японские штучки? Выглядят они забавно – цилиндрики из риса, сверху украшенные икринками или разными сортами рыбы. Хотелось бы только знать, как их положено есть? Глотать целиком? Резать ножом? Ковырять японскими палочками?

Женя решила сама пищу не заказывать, подождать Мишу. А пока она обойдется бокальчиком пива.

Она выложила на стол очередную рукопись. Взглянула на титульный лист (Андрей Прудовников, «Сферы шерстяных персиков»), вздохнула, – что за бред! – сделала глоток пива и принялась читать.

Миша появился скоро – тоже приехал пораньше. В руках гвоздики – не надоедливо красные, а белые, с розовыми прожилками. Цветов оказалось неприлично много – особенно для зимы: они еле уместились в принесенную официанткой вазу.

Такой букет явно требовал благодарного поцелуя. Но Жене никогда не нравился столичный обычай: едва знакомые люди немедленно начинают друг с другом чмокаться...

Бобров словно почувствовал ее настроение и целоваться не полез, только взглянул: тепло, приветливо.

– Женя, я так рад тебя видеть! Выглядишь – прекрасно, и кофточка – просто блеск!

Ну слава богу, кто-то оценил ее шелковую блузку. А то весь день мерзла в «Глобусе» почему зря – и никто (за исключением, правда, старичка-бухгалтера) на комплимент не расщедрился!

Сам Бобров выглядел, словно вчера вернулся с Багам. Или, по крайней мере, – из солярия. Яркие-синие глаза на загорелом лице. Или он носит цветные линзы?

Официантке Миша тоже понравился. Она выпятила свою цыплячью грудку и сладко проворковала, не обращая никакого внимания на Женю:

– Что будем кушать?

– Попробуем все, – заверил Бобров.

– Все мы не съедим, – возразила Женя.

Официантка даже не обернулась на ее реплику и понимающе обратилась к Мише:

– Вы имеете в виду суши-ассорти? Там восемь видов...

– Именно ассорти, – подтвердил он. – А потом шашлыки – курица, потрошки, осетрина – по шампурчику. Ты согласна, Женя?

Оставалось только кивнуть.

– А пить мы будем...

Женя вздохнула – от саке придется отказаться: она уже пьет пиво, а ей еще сегодня домой рулить.

– Грейпфрутовый сок, – попросила она.

– Свежевыжатый, – тут же уточнил Миша. – И мне – пивка, ноль пять.

Жене понравилось, что он не стал разводить ее на выпивку, как обожают мужики («Да ладно, давай – по чуть-чуть! Ты на машине? Да я тебе такси возьму!»).

Кажется, Миша не склонен форсировать события, и это ей нравилось. Кто бы знал, как нравилось!

– Ты прямо с работы? Или – до сих пор на работе? – Миша кивнул на рукопись, лежавшую на столе.

Женя не удержалась и пожаловалась:

– Да вот, выполняем новый заказ. Довольно дурацкий. Нужно отобрать рассказы для конкурса.

– Ты же говорила, что работаешь в рекламе? – удивился Миша.

– Я тоже так считала, – вздохнула Женя. – Но боссу взбрело в голову судить «Идеальный рассказ», это конкурс для начинающих писателей. Вот мы и разбираем рукописи... Бракуем явную бредятину.

– Можно взглянуть? – заинтересовался Миша.

– Да пожалуйста. – Она протянула ему «Сферы шерстяных персиков».

Бобров открыл рассказ с середины. Вчитался. Его брови (ухожены, будто он их причесывает и подщипывает!) поползли вверх. Он с выражением зачитал:

– И шерстяной персик взорвался в моей голове. И я почувствовал, как шерстинки, невесомые, мягкие, обволакивающие, заполняют все мое тело, и странная легкость охватывает мои члены, и я понял, что еще немного его сладкого, томного сока, – и я стану бесплотным, воспарю над реальным, воспарю над банальной и беспросветной жизнью...

Бобров отложил рукопись, спросил удивленно:

– Это что – новый стиль? Никогда такой бредятины не читал. Забавно...

Сама Женя считала, что ничего забавного в «Шерстяных персиках» нет. Обычное графоманство. Грамотное, но до предела претенциозное – и потому не имеющее отношения ни к реальной жизни, ни к литературе. Но решила в дискуссию не вступать. Лучше отшутиться:

– После второй бутылки и не такое напишешь!

– Да, тут бутылкой не обойдешься, – хмыкнул Миша. – Автор потребляет чего покрепче...

– Абсент? – блеснула осведомленностью Женя.

– Да нет, скорей промедол. Или, как минимум, – травку, – возразил Миша.

Она кивнула:

– Может быть... Но браковать рассказ я не буду. Пусть настоящие писатели разбираются. Ты ведь сказал – «забавно»!

– О, ты прислушалась к моему мнению! – обрадовался Миша.

– Почему нет? – улыбнулась она. – К тому же ты еще явный брак не видел – сплошной мат, всякие «бац-бац», «хрясь», «бумс», «стволом по кумполу», «табуреткой по горбатнику»... Или «зеленый плавный вкус свежей крови»...

– Да ты уже специалист... – протянул Миша. – Но знаешь: хватит литературы, давай ужинать. Ты будешь есть палочками или вилок?

Женя послушно сбросила «Шерстяные персики» в сумку и вдохнула интригующий запах только что принесенных суши.

– А ты научишь меня есть палочками?

...Ужин тек легко, плавно, вкусно. Жене очень понравилось, что Миша держится просто, но дистанцию тщательно соблюдает, на фамильярность не скатывается.

Она ненавидела все эти нетерпеливые объяснения: «Твои глаза прожигают мне душу» и «Я бы так хотел быть с тобой!».

Никаких «одноразовых мужчин». Только длительные, спокойные отношения: чтобы узнать человека... И проверить, и – поверить ему...

Тем более что ей никто не сможет дать совет: ни мамы рядом, ни отца, ни настоящей – с детства! – подружки... Но все о себе приходится решать – *самой*...

Бобров держался идеально. Смотрел на нее заинтересованно, почти влюбленно, но всем своим видом показывал: все будет так, как она захочет. И – когда захочет.

И еще Миша умел слушать. Когда он задавал вопрос и Женя принималась отвечать, она чувствовала: ему действительно интересна она – не только как девушка (довольно-таки, скажем скромно, симпатичная), но и как человек – со своей жизнью и со своим внутренним миром.

Было здорово, что можно кому-нибудь рассказать про себя! В «Глобусе» ты вообще не личность – штатная единица. Родных у нее нет... Подружки? Да им лишь бы самим поболтать, похвастаться... Мужики обычно тоже обожают рассказывать – о себе, любимых, о собственной работе (от каждого зависит, как минимум, экономическое благополучие столицы) или о машинах (если послушать, у любого тачка разгоняется до ста километров в час за шесть-семь секунд).

Но Бобров, кажется, не такой. Он смеялся, когда Женя рассказывала ему о съемках рекламы кошачьего корма. Искренне порадовался за нее, когда она похвасталась своей «Серебряной стрелой». Согласился, что Жулебино – райончик хороший, но слишком уж удаленный.

Женя решила, наконец, и сама порасспрашивать Мишу:

– Слу-ушай, а я тебя даже не спросила, где ты работаешь...

– Непростительное легкомыслие, – усмехнулся он.

– Это секрет? – кокетливо улыбнулась она.

– Никакого секрета... Просто гордиться особо нечем. Я работаю перегонщиком.

– Гонщиком? – Женя не расслышала, переспросила.

Он погрустнел:

– Перегонщиком. Гоняю машины – из Германии, Франции, Люксембурга.

М-да, работка не слишком престижная. Но, кажется, – интересная. Разные страны, новые машины, хорошие дороги – надавил на газ, свистит ветер, магнитола настроена на местное радио, какое-нибудь «айн, цвай, полицай – драй, фир, бригадир»... Свобода. Скорость. И – никаких «хилых боссов», которые заставляют являться на работу к девяти...

Женя, кажется, захмелела – от вкусной еды и стаканчика пива.

Миша сказал:

– Нам придется долго-долго пить кофе...

Женю слегка напрягла эта фраза, она поспешно ответила:

– Да нет, я сейчас поеду. Мне сегодня еще кучу рассказов нужно просмотреть.

Он развел руками:

– Как скажешь, конечно. Но нужно минимум час, чтобы пиво выветрилось. Может, все-таки кофе?

Женя взглянула на часы – еще только девять. Ей ужасно не хотелось возвращаться в свое Жулебино. Сидеть на продавленном диване, обложившись уже успевшими надоесть рассказами.

Женя прислушалась к своим ощущениям и встревожилась. Впервые за несколько лет ей не хотелось расставаться с мужчиной.

– Хорошо, давай еще по кофе, – согласилась она и решила, что потом уж точно поедет домой.

Но одна чашка кофе превратилась в три, и домой она вернулась только в одиннадцать вечера. Миша отмел все возражения и отправился ее провожать. Ехал сзади на своей «Той-

оте-Королле». Рулил он спокойно: не пижонил, не обгонял, воздушных поцелуев из окошка не посылал.

Во дворе Бобров помог ей припарковаться – «давай еще назад, полметра есть, минимум!». Проводил до подъезда. Женя занервничала – кажется, сейчас он попросит еще кофе.

У нее дома.

Но Миша только поцеловал ей руку, сказал, что позвонит завтра и, не оглядываясь, пошел к машине.

А Женя еще до трех утра читала проклятые рассказы. И возмущалась бесконечными *«волнами страсти, охватившими ее от маникюренных пальчиков до самых сосков»* и *«взглядом бездонных синих глаз, пронизывающим всю плоть»*. Или бредом вроде: *«...отчаянно тонкая струнная игла наполнила душу воскрешающим к жизни напитком»*.

В начале четвертого Женя упала в постель совершенно без сил и поняла, что, несмотря на усталость, из-за трех выпитых «эспрессо» заснуть не получится. Но... Но очередной бессонной ночи она просто не выдержит.

Пришлось лезть в заветный пузырек за половинкой снотворной таблетки. Снотворное «зацепилось» за выпитое вечером пиво. Подействовало мгновенно.

И возродило старый кошмар.

...Она опять – в *той* комнате. И опять – в помещении никого нет, только в открытое окно врывается неприветливый ветер. Пуст диван с комком нестиранного белья. На кресле возвышается кучка небрежно брошенной одежды. На стуле валяется старый, потертый глянцевый журнал. Здесь никого нет, нужно уходить... Но Женя знает – *они* где-то рядом. В распахнутом шкафу, за рядами плечиков с дешевыми костюмами... Или – за гардиной, за плотной темно-синей гардиной, которая чуть шевелится под порывами ветра... И Женя чувствует – опасность непреодолима. И даже если сейчас повернуться и попробовать убежать, чтобы оказаться в подъезде, где светло, и соседи, и курят на площадке спасительные подростки, – она все равно не успеет. *Они* – везде, их запах пропитывает всю комнату, и дешевую мебель, и проклятые шторы...

Разве может *сниться* безысходность?

Но Женя знает, что выхода у нее нет.

И она просыпается – одеяло сброшено на пол, простыня сбилась, пижамная курточка задралась чуть не до горла... Ей страшно, до сих пор страшно, и за окном – еще темень, и одиночество стучится изо всех уголков квартиры.

Женя посмотрела на будильник и со стоном откинулась на подушку. Пора вставать – уже половина седьмого, сейчас затрезвонит будильник...

Впереди – работа, чтение бесконечных рассказов, придирки Хилого Босса, настороженность коллег... А она чувствует себя так, словно вернулась домой после смены в шахте. Она не выдержит еще один рабочий день!

Пришлось закрыть глаза, сосредоточиться и спросить себя – строго так спросить: «Для чего ты живешь, моя дорогая? Разве не для того, чтобы твои родители – пусть на небесах! – смогли гордиться тобой? Твоим успехом? Твоей карьерой, собственной квартирой, новой машиной, настоящим другом рядом? А это все без труда не дается...»

После нотации, прочитанной самой себе, Женя выпрыгнула из кровати. Голова кружилась, во рту было сухо. На ощупь, не открывая глаз, она поплелась в ванную.

Переживем. Выдюжим. Справимся!

Женя долго стояла под горячим душем, соскребая с себя остатки сна и приснившегося кошмара. Когда же эти сны кончатся! Ведь прошло столько лет!

Наконец страх отпустил ее. Женя выключила воду, растерлась жестким полотенцем и выбралась из ванной. Протерла изошедшее паром зеркало, с опаской взглянула в него – от такой жизни недолго и морщинами пойти!

К счастью, морщины пока не появились. А лицо после горячего душа выглядело свеженьким и даже розовеньким. Недосыпную мигрень удалось вылечить крепким кофе вкупе с цитрамоном. Женя повеселела. Одеваясь, она думала: «Я превращаюсь в железного человека. В Александра Македонского. Скоро мне будет хватать четырех часов сна... Ну и что: устаю... Ну и ладно: Дубов – скотина... Зато я делаю карьеру. Карьеру в Москве. Не об этом ли мы мечтали с мамой и папой?»

Женя, что называется, разгулялась и теперь чувствовала себя прилично. Даже решила, что концентрация внимания у нее сегодня нормальная, и можно не тащиться в противном переполненном метро, а отправиться в «Глобус» на машине.

«Ока» обрадовалась своей хозяйке. Приветливо подмигнула фарами, снимаясь с сигнализации, и завелась с полоборота. Женя забросила на заднее сиденье увесистую сумку с рассказами (машина сразу просела) и уверенно дала по газам. Удалось тронуться с неким подбоем визга, и Женя гордо подумала: «Вот так вам всем! Хоть и на двух цилиндрах...»

Ровно в девять Марченко уже въезжала за крепостную стену «Глобуса». В девять ноль три (минимальные опоздания она себе все-таки позволяла) Женя, привычно скользя по дурацкому полу, вошла в холл. Рассказы – тяжелые, заразы! – оттягивали ей руку.

Коллеги поздоровались сквозь зубы, поглядели косо. Один старичок бухгалтер был с ней любезен – но, верно, потому, что пытается прикадриться. А непосредственный начальник Бритвин хоть и мил, но со странностями. Настроение у него все время меняется. Порой панибратствует, порой – рывкает. То Женечкой называет, то – по фамилии.

На коленях у Жени лежал очередной рассказ. Тошнит уже от графоманов! Она невидящим взглядом уставилась в текст, а сама думала: «Пожалуй, корень зла – в Хилом Боссе. Это он: завел секретность, приваживает холуев, доносчиков... От него вся ненормальность «Глобуса» идет...»

Повинуясь внезапному импульсу, Женя отшвырнула рассказ и включила компьютер. Давно пора узнать, что за гусь этот Дубов!

Женя вышла в Интернет, загрузила поисковый сервер. В графе «Я ищу» написала – *Олег Петрович Дубов*.

«Идет поиск», – ответил компьютер.

Ссылка на *Дубовых* оказалось тысяч пятьдесят, на *Олегов* – почти миллион. Но *Олег Петрович Дубов* оказался в Интернете в единственном экземпляре. Поисковая система адресовала Женю на сайт газеты «Российский бизнес».

Марченко повернула экран, загорела его спиной и принялась читать:

Дубов Олег Петрович, 1963 г. р.

Окончил Московский государственный институт международных отношений (1984), а также магистерский курс «Международные отношения и мировая экономика» в Университете мира ООН.

Получил степени магистра делового администрирования (МВА) в Уортонской школе бизнеса (США) и магистра гуманитарных наук по специальности «Международные отношения (СССР)» в институте Харримана при Колумбийском университете (США). В 1992–1996 годах работал финансовым директором в рекламном агентстве «Дерри и Харпол» (Нью-Йорк, США). В 1997–1998 годах – вице-президент PR-агентства «Томас энд санс» (США). В России работает с 1999 года. Возглавляет рекламное и PR-агентство «Глобус». Уставной капитал – 2 млн руб., объявленный штат – 27

человек, сферы интересов: коммерческая реклама, пиар, преимущественно в области шоу-бизнеса, искусства, литературы и кино.

Более никаких ссылок на Олега Петровича Дубова в Интернете не имелось.

Женя быстренько отвалилась от сети. М-да, Хилый Босс, оказывается, – большой грамотей! И работал в основном на Западе. Наверно, там, за бугром, и нахватался мути: «Коммерческая тайна превыше государственной!.. Если увидел, что коллега бездельничает, – сдай его начальству!»

Подруга Жени – Таня Садовникова – долго прожила в Америке. И рассказывала, что в Штатах детей, начиная чуть ли не с *primary school*⁶, учат ябедничать. Внушают: заложить товарища, совершившего неблаговидный поступок, – гражданский долг каждого янки.

А Дубов... Он в Штатах и учился, и работал... Вот и научился. Теперь прививает американский образ жизни на российской почве, скотина... На работу пешочком ходит, не курит, здоровье блюдет...

Женя быстро выключила компьютер и открыла очередной рассказ.

Когда ближе к вечеру появился Бритвин, Женя покончила со своей долей рассказов и принялась за стопку, что начальник отложил для себя.

Бритвин оценил:

– Молодец, Марченко, – перевыполняешь норму! Ну, и что там у нас?

Женя сверилась с записями:

– Я отобрала шестьдесят два рассказа. Ты, вчера, – сорок. И нечитанных – осталось, наверно, двести...

– Значит, слушай, Женька, – сказал Дмитрий. – С оставшимися писульками нужно покончить сегодня.

Женя едва не застонала и не удержалась, пробормотала:

– Но ты же говорил, что срок – до завтрашнего вечера...

Бритвин вздохнул:

– Объясняю. Мы с тобой уже отложили больше ста. И еще вон сколько смотреть, – он кивнул на коробку. – А отобрать нужно – всего тридцать. Я тебе разве не говорил?

Ничего он ей не говорил, просто велел выбрать все мало-мальски приличные рассказы!

– Так что завтра с утра начнем второй тур, – как ни в чем не бывало продолжил Бритвин. – Нужно отобрать тридцать финалистов. А вечером у тебя randevu с писателем века. Поедешь в логово к несравненному Песочину. Он – председатель жюри. Ты, кстати, с ним знакома?

– Лично – нет, – пожала плечами Женя. – Книжки – видела.

– А читала? – поинтересовался Дмитрий.

– Пробовала. Не смогла, – призналась Марченко.

– Почему не смогла? – требовательно спросил Бритвин.

– Слишком заумно, – подумав, ответила Женя. – Не по-человечески. Все с вывертами.

– Вот-вот! – перебил ее Дмитрий. – Это точно. Но победителя будет выбирать лично Песочин. Остальные члены жюри – пешки. В свете вышесказанного, наша задача – отсеять все человеческое. Никакой ясности, простоты и никаких стройных сюжетов. Тут вам не Чехов! Побольше метафор, синекдох, аллегорий, синопсисов!

– Синопсис-то тут при чем? – пробурчала Женя и вздохнула. Впереди, кажется, светит еще одна веселенькая ночь...

Дмитрий внимательно взглянул на нее и тоже вздохнул:

– Эх, Женька, какой мне рассказ вчера попался... Сюжет, герои, интрига!.. Весна, любовь, запахи, вкусы... Бунин, право, Бунин!.. Да только... – Он махнул рукой, замолчал.

– Что?

⁶ Начальной школы (англ.).

– Да какая разница! – зло воскликнул Бритвин. – Наш Песочин этот рассказ все равно забодает!

Он помрачнел. Неловко свалил свою долю непрочитанных рассказов в портфель. Сказал отрывисто:

– До завтра, Марченко.

И вышел. Его плечи сутуло никли в безжалостном свете офисных огней.

Еще один «винтик». Еще один заложник «Глобуса» и большой зарплаты.

Женя смотрела ему вслед, пока он не вышел из офиса. Да что такое с Бритвиным?! Почему он вдруг ушел? Вроде у них только разговор завязался... Она хотела заварить ему кофе, рассказать про увольнение Кати, посплетничать про Дубова...

Женя взглянула на часы – семь вечера. Впереди – ночь. Впереди – сто рассказов, из которых нужно выбирать не самые лучшие, а самые заумные. Впереди – проклятое одиночество в чужой, неудобной, неухоженной квартире. Она не выдержала и уже собралась расплакаться – от одиночества, от никомуненужности, – когда зазвонил телефон.

– Женечка? Это Миша. Ты знаешь, я, наверно, дурак... Но я стою тут неподалеку от вашего «Глобуса». У Петровского замка...

– Я сейчас выйду! – Жене еле удалось скрыть радость.

Ей не хотелось отчитывать Мишу за то, что он приехал без предупреждения.

Хоть кому-то! Хоть кому-то она оказалась нужна!

Она забросила рассказы в пластиковый пакет – тяжелый, зараза! – и весело попрощалась с «глобусовцами».

«Тойота» была припаркована с противоположной стороны Петровского замка. Женя остановила «Оку» рядом. Вышла из машины. Поняла, что не может сдержать радостной улыбки. Михаил вылез навстречу, поцеловал ее руку, посмотрел заботливым взглядом...

– Женечка! Ты выглядишь отлично. Только... только – еще больше похудела... – проговорил он.

– Да опять обедать было некогда, – беспечно ответила Женя. – Ничего, это полезно. Разгрузочный день.

– Ничего себе – полезно! – возразил он. – Ну-ка, поехали. Буду тебя откармливать.

С ума сойти: хоть кому-то есть дело, что она голодна!

Женя кивнула:

– Поехали. Опять эскортом? Или на моей «Оке»?

– На «Ок-к-е»? – засомневался Миша. И предложил: – А может, мы ее здесь оставим?.. Поедим, и я отвезу тебя домой?

«Ага, и останусь ночевать... Не выйдет, господин Торопыга!»

Женя принялась отнекиваться, но Миша перебил ее. Широко улыбнулся:

– Да что ты волнуешься! Я сказал только то, что сказал. Вечером – я подкину тебя домой. Просто подвезу, и все. И поеду к себе. А утром – во сколько ты там выходишь? – приеду и отвезу тебя на твою дурацкую работу. Ты же устала, я вижу. Ку-да тебе сейчас за руль садиться? А так – я бы тебя пивком напоил. Чуть-чуть – чтобы ты расслабилась...

Голос его звучал искренне. Что ж, «Оку» она может оставить где-нибудь на стоянке – возле метро «Динамо». А утром – прекрасно доберется на работу на метро, Мише развезить ее совершенно незачем.

– Звучит заманчиво, – проговорила Женя.

Не будет же Бобров силой прорываться в ее квартиру!

Они поставили «Белку» на ночную парковку – со сторожем расплатился Миша. Женя закрыла машину и с удовольствием запрыгнула в уютное тепло «Тойоты». Не удержалась, сказала:

– Спасибо тебе, Миша... У меня был тяжелый день...

– А я – твой реаниматор, – серьезно ответил он. – Появляюсь, когда тебе плохо. И привожу в чувство. Поехали?

– Куда?

– Да я тут кафешку одну раскопал. Называется – «Шуры-Муры». Кухня – обычная, но знаешь, чем там хорошо? Очень домашнее местечко. Настольные лампы, цветочки, то-се... И официантки – сонные...

– Отлично! – обрадовалась Женя. – Ненавижу надоедливых официантов! Спокойно посидим, поболтаем...

– А главное – поедим, – добавил Миша.

– Только...

– Знаю-знаю, – перебил он. – У тебя опять полно работы. Перекусим по-быстрому, и в десять ты будешь дома. Ну, погнали? А то я сам проголодался, на тебя глядячи...

«Тойота» влилась в поток машин на Ленинградском проспекте. Женя не сразу заметила, что правая рука Михаила, переключавшая передачи, порой дотрагивается до ее колена...

Глава 4

В Генеральную прокуратуру России

Копия: в Министерство внутренних дел России

Уважаемые сотрудники отделов писем и обращений! Поскольку в моем письме речь пойдет о делах и событиях, чрезвычайно важных для безопасности страны, настаиваю, чтобы вы довели мое письмо лично до генерального прокурора и министра внутренних дел.

Уважаемый генеральный прокурор!

Уважаемый товарищ министр внутренних дел!

По ходу выполнения мною служебных обязанностей, мне стали известны факты, которые имеют отношение к безопасности страны. Речь идет о хорошо спланированных действиях, напрямую угрожающих, в конечном счете, свободе, независимости и территориальной целостности нашей Родины. Поэтому прошу отнестись к моему письму и фактам, мною изложенным, со всем возможным вниманием.

Я рискую жизнью, направляя вам это письмо. Пожалуйста, будьте внимательны! Пожалуйста, сохраните – насколько это возможно – мое обращение в тайне!

По существу дела могу сообщить вам следующее...

Писатель Песочин проживал на Мантулинской улице, напротив высокомерной громады гостиницы «Международная». Рядом с отелем сутились иномарки и дефилировали дамы в мехах.

Полюбовавшись тонированными окнами и вызывающе дорогим видом гостиницы, Женя свернула в писательский двор. Здесь ее «Ока» немедленно провалилась в припорошенную снегом яму. Услышав скрежет, Женя чертыхнулась – кажется, погнулся глушитель. Вот она, Москва, – город контрастов. Вылизанный асфальт «Международной» и рядом – ямы в убогом дворе. Писательский подъезд оказался мрачным и вонючим. В разбитое окно врывался ветер. В углу калачиком свернулась печальная старая собака. Веяло бесприютностью. Не верилось, что в двух шагах отсюда, в дорогой гостинице, нежатся в пенных ваннах успешные и ухоженные бизнесмены.

Квартира Песочина помещалась на шестом этаже. Лифт не работал, кнопка звонка в квартиру – тоже. «Он же, наверное, небедный человек! – подумала о писателе Женя. – А живет в такой дыре...» Робко постучала в дверь. Бесполезно. Наверно, Песочин – как и полагается гению! – просто забыл о ее визите. Или спит? Женя постучала сильнее. Повинуясь удару, дверь недовольно скрипнула и отворилась. Не заперто. Из темной прихожей пахло теплом и почему-то – жженым сахаром.

– Есть тут кто? – опасливо проговорила Женя.

Тишина.

Она осторожно заглянула внутрь.

Пусто и сумрачно. В дальнем конце коридора торчит торшер на длинной ноге. Плафон такой пыльный, что свет пробивается еле-еле. У стен жмутся пустые бутылки и пакеты с мусором. Ни одежного шкафа, ни полки для обуви. Даже в слабом освещении видно, что обои не

переклеивались уже лет двадцать и все эти годы успешно служили салфетками и блокнотом: жирные пятна, номера телефонов... Натуральный бомжатник!

Женя пожала плечами и, не раздеваясь, прошла в квартиру. Она была готова к неожиданностям. Бритвин предупредил, что Песочин – парень со странностями.

Значит, знаменитость предпочитает романтику трущоб. Стремится быть ближе к народу. Сейчас вылезет из своего логова – небритый, мятый, в обвисших трениках... Угостит ее дешевой водкой вкупе с вареной колбасой. Поведает о собственной гениальности...

– Есть кто живой? – еще раз крикнула Женя.

Никто не откликнулся. Тогда она решительно толкнула дверь в одну из комнат. И – ее чуть не смыло оглушающей волной музыки.

Первое, что она увидела – до нелепости огромные колонки, водруженные по углам комнаты.

«Почему в коридоре абсолютно тихо?» – не поняла Женя.

И тут же поняла: музыки снаружи не слышно, потому что стены комнаты обиты пробкой, а дверь – обшита каким-то ватином. Этот Песочин настоящий бункер себе построил!

Писатель покоился в глубоком кресле, расположенном ровно посередине комнаты. Небритый, мятый. Облачен в тренировочные штаны – с этим Женя угадала. В изысканном интерьере комнаты Песочин смотрелся, словно бомж, прокравшийся в барские апартаменты.

Комнатка оказалась замечательной. По сравнению с ней апартаменты «Международной» – просто сарай. Отделанные пробковым деревом стены расписаны прихотливым восточным орнаментом. Навесной потолок причудливой формы – не плоский, как обычно, а в форме волны. Персидский ковер на полу. По углам – колонны, обитые гобеленами. В них прячутся неяркие точечные светильники. По стенам причудливо играют тени. Из полумрака проступает стойка с аппаратурой – CD-проигрыватель и усилитель. Женя быстро взглянула на марку. Ни фига себе: «Bryston»! Это же хай-энд!

Акустика источала взволнованное и малосвязное женское пение. Дамским воплям аккомпанировала истеричная гитара. Музыка была так себе. Хотя надо отдать должное хорошей аппаратуре – каждую нотку слышно, будто рядом играют, каждый гитарный перебор звучит, как живой.

М-да, пожалуй, насчет романтики трущоб Женя погорячилась... Песочин открыл глаза, заметил ее. Щелкнул пультом, выключил свою истеричную песню.

– Ты – Женя из «Глобуса»? – требовательно спросил он.

– Да... – откликнулась она, с трудом отрываясь от великолепия комнаты и переводя взгляд на Песочина.

Тошная нелепая фигурка в темных очках. Нездоровый цвет лица с подростковыми прыщами. И это чудище считается знаменитым писателем? Восседает в восхитительно удобном кожаном кресле?! Слушает музыку на уникальной аппаратуре – а ведь «Bryston» стоит столько, что на него даже в «Глобусе» не заработаешь... Несправедливо устроен мир!

– Рассказы привезла? – деловито осведомился Песочин.

Хоть бы привстал, зараза!

Женя молча кивнула.

– А башли?

– Какие башли? – удивилась она.

Бритвин ничего не говорил о деньгах. Велел только: «С письменником не спорь. Делай, что скажет. В разумных, конечно, пределах».

Песочин загоготал – неприятно, как гогочут подвыпившие подростки.

– Ладно, пошли покурим. – Он наконец поднялся со своего кресла. Отодвинул Женю плечом и прошел в коридор. Бросил ей:

– Пошли!

Как с собакой обращается, гад.

Сумку с рассказами Женя с собой не потащила. Бросила на полу. В последний раз взглянула на великолепие музыкальной комнаты и потянулась вслед за писателем. Может, уйти? Уйти прямо сейчас? И плюнуть на то, что Бритвин велел ей Песочина не сердить?

– Где ты там бродишь? – донеслось с кухни.

Голос писателя звучал недовольно.

Женя поспешно прошла через загаженный коридор и очутилась в кухне. Здесь было богато, но по-мужски неуютно. На столе громоздилась стопка немытых чашек. А рядом с раковиной помещалась ванна. Настоящая – и краны имелись, и душ на кронштейне. Вот это да! Ванная в кухне. Ну и квартира у этого Песочина!

Писатель уже угнезвился на диванчике, жестом кивнул ей: садись, мол. Бросил через стол пачку «Беломора». Приказал коротко:

– Кури!

Ну, это уже слишком. «Беломор» она курить не станет – даже если ей будет приказывать не Песочин, а сам Дубов.

Женя достала из сумочки свои дамские сигаретки.

– Ну-ка, дай! – живо заинтересовался Песочин. Даже черные очки снял, обнажив мутно-голубые глаза с красными прожилками на белках. Заграбастал пачку, выбил сигаретину, помял ее в пальцах, понюхал. Женя с удивлением наблюдала за его манипуляциями.

Наконец, Песочин отшвырнул ее сигареты. Скривил губешки, словно обиженный школьник:

– А я-то думал...

– Что вы думали? – вежливо спросила Женя.

– Ты что, совсем дура? – внезапно раскипятился писатель.

Все, хватит. Женя решительно поднялась. Действительно, пора уходить.

– Да ладно тебе, не ломайся – произнес писатель внезапно миролюбивым тоном. – Расслабься. Здесь все свои. Пыхнем по одной – и повалишь...

Женя застыла на пороге. Встретилась взглядом с блестящими, тревожными глазами Песочина. Отметила, что зрачки у него – с булавочную головку. И, наконец, поняла, что он ей предлагал. Анашу! Вот оно что! Знаменитый Песочин не просто слушает в своей комнате-камере истеричную музыку. Он медитирует. И его «беломорины» набиты травкой.

Все теперь ясно. Ясно, почему она, нормальный, трезвый человек, не может читать его книги. Что Песочин может написать – после такой музыки и после наркоты? Только галиматью!

М-да, с таким надо поосторожней.

Женя постаралась, чтобы ее голос звучал спокойно. Наркоманов, говорят, как и психов – лучше не сердить:

– Я не ломаюсь. Просто я не хочу травы.

– Ну и проваливай! – мгновенно отреагировал Песочин.

Женя не стала возражать и поспешно покинула его квартиру.

Серый февральский двор показался раем в сравнении с писательским логовом. Женя с наслаждением вдохнула полные легкие воздуха. Достала сигареты – и тут же убрала их обратно в сумочку. После общения с этим Песочиним даже обычных сигарет не хотелось. Тоже мне, блин, знаменитый писатель. Канифолит сам себе мозги – то дурацкой музыкой, то анашой, то, наверно, еще чем покрепче. А потом пишет малопонятные книжки. И – сидит в жюри конкурсов.

Бритвин был прав, когда советовал ей отбирать самую заумь. Этот Песочин другое и читать не станет. Какое гадство!

Однако слава богу, что с конкурсом рассказов вроде покончено. С работой она справилась неплохо и в срок. А новых срочных дел пока вроде бы не предвиделось. Может быть,

завтра с утра ей удастся немного расслабиться? И она, наконец, познакомится еще с кем-то из коллег?

...На следующее утро, прямо в «Глобусе», Женя попала в аварию.

Она, как всегда, опаздывала на традиционные пять минут и, поспешая, взлетала по ступенькам. Добежала до холла второго этажа. И столкнулась в дверях офиса с охранником Жорой.

Жора был самым массивным из глобусовских секьюрити. Вдобавок в руках он держал объемистую коробку.

Жора посторонился, Женя протиснулась в освободившуюся узкую щелку – и оба застряли.

Жора улыбнулся ей горой лицевых мышц и дал задний ход.

Женя весело сказала:

– «Оке» и джипу разъехаться не удалось!

Жора, как и положено охраннику, был большим молчуном и букой. Но сегодня, видимо, пребывал в приподнятом настроении. Потому что снова улыбнулся и разразился целым предложением:

– Иду на помойку. Очищаю твое рабочее место. Бритвин сказал выбросить рассказы.

Жора помахал огромной коробкой. Он держал ее непринужденно, будто пачку сигарет.

...Бритвина Женя застала за малотиличным для мужчин занятием. Он макал в стакан с водой губку и протирал свой стол.

– Навожу порядок! – похвалился он.

Губка отлично впитывала воду, но оставляла за собой лужицы. На полировке уже появились опасные разводы.

Женя покачала головой и отобрала губку. Отжала ее, вытерла лужи. Потом тщательно протерла стол сухой тряпкой.

– Не умеешь – не берись! – нарушая субординацию, пробурчала она.

Дима наблюдал за ней, снисходительно склонив голову.

Покончив с последствиями мужской уборки, Женя сказала:

– Ну, шеф, – приказывай!

Дима хитро улыбнулся:

– У меня там немые чашки еще остались... Ладно, шучу. Короче, звонил Песочин. Он тобой недоволен. Сказал, что ты высокомерна и неразговорчива.

Женя приготовилась оправдываться, но Бритвин только отмахнулся:

– Не бери в голову. На Песочина не угодишь. Короче, слушай про новое дело.

– Так сразу? – не удержалась Женя.

– А кому сейчас легко, – хмыкнул Бритвин. И продолжил: – Короче, Дубов взялся раскручивать «Пополамов». Слышала про таких?

Женя слышала их сегодня утром, когда ехала на работу и поймала «Русское радио». Веселая попсовая группочка. Много ударных, шkodливый баян и забавные тексты. Что-то типа: *«Я увижу тебя в темно-синем лесу, я тебе колбасу на руках отнесу...»* Песенка показалась тупой, но отчего-то симпатичной.

– А кто они, эти «Пополамы»? – поинтересовалась Женя.

– Молодые ребята. Первокурсники. Учатся в каком-то холодильном институте. Создали группу, как говорят, «по приколу». Выступали во всяких ДК, в кафешках. Случайно нашли продюсера, тот – в полном восторге. Привел их к нам. Они сейчас у Дубова сидят. Пошли посмотрим?

...«Пополамы» являли собой четверых совсем молодых ребят. «Лет восемнадцати, не больше», – определила Женя. Утопают в безразмерных футболках и широких джинсах. Сверкают глазами, неуверенно улыбаются.

Женя с удовольствием разглядывала их молодые, светлые лица. Поневоле сравнивала с Песочиным – насколько же пацаны приятней! Молодые, яркие, все им интересно и внове... Даже сухарю Дубову группа, кажется, нравилась. По крайней мере, за время разговора с «Пополами» и их продюсером Женя насчитала шесть поднятий уголка губ на двадцать градусов – что для Хилого Босса означало наиширочайшую улыбку.

«Пополамы» с восторгом внимали, как их продюсер, Дубов и Бритвин договариваются о «жесткой ротации» на радио и о журнальных фотосессиях, обсуждают возможности газетных интервью и телеэфиров...

– Придется сделать новый портфолио – пресс-релиз, фотки и демо-кассету... То, что есть, – дерьмо, все переделаем. Я уже нашел студию... И фотографа... Нужен режиссер для клипа. Егор Кончаловский подойдет?

Группа сидела тихо, только восторженно глазами хлопала. «Вот это да!» – читалось на лицах «Пополамов».

Наконец, Дубов подвел итог:

– Начнем с пресс-релиза. Как я сказал, то, что у вас есть, – никуда не годится.

Он скривился и процитировал: «Леонов В.В. окончил среднюю школу № 890 и с первой попытки поступил в институт холодильной промышленности».

– Пресс-релизом займется Евгения Марченко, – сообщил Дубов.

«Пополамы» в едином порыве обернулись в ее сторону и посмотрели с нескрываемым уважением. Женя изо всех сил постаралась не покраснеть.

– Далее, – продолжал Дубов. – Пока будем готовить общение с прессой, начнем раскрутку на радио. Пять радиостанций, по эфиру каждые два часа и каждый час – в прайм-тайм... Собственно, ротация уже началась... – Дубов повернулся к Бритвину: – Кстати, Дмитрий, получи у бухгалтера наличные. Прикинь сам, сколько нужно на первое время.

Бритвин кивнул.

Дубов сделал пометку в блокноте и продолжил:

– Сегодня у нас четверг. Эфиры уже идут... А на следующей неделе проведем пресс-конференцию. В хорошем клубе, в «Циркусе» или в «Феллини». Теперь – пресс-релиз. Он будет готов в понедельник. Давайте в понедельник и встретимся... скажем, в час дня?

Один из «Пополамов» хотел было возразить: они же студенты, днем учатся! Но продюсер одарил его грозным взглядом, и парнишка закрыл рот.

– Тогда на сегодня – все, – провозгласил Дубов.

«Пополамы» дружно, как по приказу, вскочили. Они смотрели на Дубова влюбленными глазами. Их продюсер трепетно пожал Хилому Боссу руку. Олег Петрович изобразил очередную – седьмую по счету! – улыбку и проводил гостей до двери.

– Марченко, оставайтесь, – проскрипел он уже обычным, не «представительским» голосом.

Женя вернулась в свое кресло, не ожидая ничего хорошего. И оказалась права.

– Пресс-релиз мне нужен завтра утром.

– Но...

– Хорошо, к обеду, – пошел на уступку Дубов. – Вот тебе исходник, вот – телефоны музыкантов. Действуй!

Она вернулась на рабочее место. Подошел Бритвин. Глянул на ее озабоченное лицо и сказал:

– Так, попробую угадать... Пресс-релиз от тебя ждут завтра утром?

Она улыбнулась:

– А вот и нет! Выбила отсрочку до ленча!

– Так это победа! – провозгласил Бритвин.

Женя открыла «рыбу» пресс-релиза «Пополамов». Текст был набит на машинке. Опечатки небрежно замазаны штрихом. Похоже, мальчишки сочиняли пресс-релиз сами. Выглядел он абсолютно по-школьному. В духе сочинения «Как я провел лето».

Да, это никуда не годится. Надо все переделывать.

Она вспомнила симпатичных скромняг «Пополамов». Их новенькие, еще не протершиеся, джинсы и ботинки – только из магазина. Наверняка парнишки раздобыли денег и принарядились перед визитом в «Глобус». Молодые, наивные. Мечтают покорить мир...

Женя вздохнула и набрала номер одного из «Пополамов»:

– Это Женя Марченко, агентство «Глобус». Мне нужно с вами встретиться. Нет, сегодня. У вас сегодня концерт? Отлично. Я туда и приду.

* * *

Кафе «Я и Оно» располагалось в лабиринте переулков, опутавших Маросейку. Центр, но жуткая глушь. Кто не знает дороги – в жизни не найдет. Путанные объяснения «Пополамов» Женя даже записывать не стала. Просто решила обзавестись штурманом и позвонила Мише Боброву. Пригласила его на концерт «молодой и прикольной группы».

Миша, кажется, обрадовался ее звонку. Согласился даже, что на концерт они поедут в Жениной «Оке». Только спросил опасливо:

– Мы – просто посидим? Или ты и там будешь работать?

Женя пообещала, что работать не станет. Только поздоровается с молодыми музыкантами и понаблюдает за ними.

С Мишей ей будет куда уютней. Тем более раз он гонщик-перегонщик, то должен и с ролью штурмана справиться: разыщет кафе с фрейдистским названием «Я и Оно».

Задача Боброву досталась не из легких. Миша разглядывал атлас и хмурился. Когда они выскочили на Маросейку вместо нужного переулка, Бобров проворчал: «Руки бы оборвать архитектору, кто так город спланировал!» Женя не стала говорить, что если у старой Москвы и были планировщики, то они скончались много веков назад...

Ей нравилось, что Миша самообладания не теряет, указания дает четкие: «Сбрасываем километров до двадцати... Правую моргалочку... Поворачиваем».

Когда они наконец отыскали старый дом с вывеской «Я и Оно», Женя с чувством сказала:

– Спасибо тебе, Мишенька... Одна бы я и к утру не нашла.

– Ерунда! – беззаботно откликнулся Бобров. Посмотрел по сторонам. И поинтересовался: – А твои музыканты точно здесь играют?

Женя уже и сама сомневалась.

Двор, где располагалось «Я и Оно», выглядел страшненько. Полувыселенные дома. На сломанной лавочке – зачуханная компания алкашей.

– Хорошо, что мы не на «Тойоте», – заметила Женя. – Ее бы тут быстро на запчасти разобрали...

Миша в ответ горячо пообещал, что будет выходить проверять «Оку» каждые пятнадцать минут.

По доисторическим, щербатым ступенькам – на пьяную голову точно свалишься! – они спустились в подвальчик. И очутились в маленьком и вполне пристойном баре.

Здесь пахло деревом и хорошими сигаретами. Грубые дощатые столы гармонировали с пеньками-табуретками. Рядом с барной стойкой возвышалась маленькая сцена. На ней красовалось потертое пианино. Над инструментом зачем-то висели олени рога.

Бар почти пустовал. Занят был единственный столик, где восседала компания юных, ярко раскрашенных девчонок. В обрывках их бесед мелькало слово «Пополамы». «Поклонницы», – догадалась Женя.

Бармен в «Я и Оно» сразу учуял в Мише перспективного клиента, оторвался от кроссворда и принялся перечислять имеющиеся сорта пива. Женя с Мишей выбрали по «Гессеру» (ему – большую кружку, ей – маленькую). На закуску заказали сушеных кальмарчиков и черных сухариков. А на горячее согласились отведать жареных грибов с картошкой. («Грибы отечественные, белые – натуральные! – разрекламировал блюдо бармен. – От них еще никто пока не умирал...»)

– А когда будут «Пополамы»? – поинтересовалась Женя.

Бармен указал в сторону поклонниц:

– Раз *эти* здесь – значит, скоро.

Женя с Мишей выбрали столик поближе к сцене, отхлебнули пива, завязли зубами в тягучих кальмарах. Взглянули друг на друга. Синхронно улыбнулись. «Кажется, вместе нам хорошо...» – отстраненно подумала Женя.

– Ты не сказала мне... Зачем тебе эти... «Пополамы»? – поинтересовался Миша.

– Мы их раскручиваем, – пояснила Женя. – Я буду делать им пресс-конференцию. Представлять их журналюгам. И хочу знать, что говорить.

– Они стоят пресс-конференции? – требовательно спросил Миша.

– Еще не знаю, – призналась Женя. – Слышала одну песню по радио – вроде ничего. Но живой концерт – дело другое...

Она мимолетно дотронулась до его руки и слегка подлизалась:

– Все будет, как ты скажешь. Если тебе понравится – буду их хвалить... Нет – значит, нет...

Миша слегка самодовольно улыбнулся. Женя про себя подумала: «Хвалить «Пополамов» мне придется в любом случае – я получаю за это зарплату. Эх, почему же мне так хорошо с Мишей? Спокойно, надежно, уютно? Нет, нельзя расслабляться...»

...На входной двери звякнул колокольчик, и в помещение вломились долгожданные «Пополамы», груженные аппаратурой, румяные с мороза, шумные. Один из них волок гитару в кожаном чехле. Второй нес кофр – видимо, с баяном или гармошкой. Третий, самого маленького роста, едва выглядывал из-за внушительного барабана. Четвертый «Пополам» шел в арьергарде, налегке. Тревожным взглядом он осмотрел бар. Снисходительно кивнул встрепетанным поклонницам. Увидел Женю, просиял. Подошел. Неловко стянул вязаную шапочку.

– Добрый вечер! А я боялся, что вы не придете...

Понял, что выдал себя, покраснел, смутился...

Умеет смущаться... Это хорошо. – Привет... м-м... – протянула Женя. Она начисто забыла, как зовут лидера группы.

– Леша, – поспешно подсказал он.

Женя улыбнулась, заглянула в его робкие карие глаза:

– Не волнуйся, Леша. Мы тебя любим! Покажи нам сегодня класс!

Парень еще больше смутился, попятился от стола, закомандовал:

– Ленька, подключай аппаратуру!.. Димка, брось свой дурацкий барабан!.. Васек, провода тащи, ну?..

– Интересно, сколько они получают за вечер? – задумчиво протянула Женя.

– Сейчас узнаю, – с готовностью откликнулся Миша.

Женя не успела его остановить. Бобров отправился к бармену. Вернулся с новыми порциями пива. Сказал удивленно:

– Представляешь... Они получают двадцать пять долларов!

– Сотню на группу? – уточнила Женя.

– В том-то и дело, что двадцать пять – на всех. А чаевых тут не дождешься. Публика в основном – студенты...

Женя покачала головой. Да, в жизни мальцов назревают серьезные перемены. Повезло «Пополамам», что могущественный «Глобус» взялся за их раскрутку.

...Начался концерт.

Барабанщик отбил ритм, и... С первой же песни «Пополамы» захватили бар своей игрой. Примолкли девчонки. Подошедшие посетители отставили пивные кружки и воззрились на сцену.

Женя с Мишей едва притронулись к картошке с грибами. Оба не отрываясь смотрели на «Пополамов». Женя физически ощущала токи драйва, создаваемого группой. С первых аккордов стало понятно, что «Пополамы» – хорошо сложенный, сыгранный и много репетировавший коллектив. Женя смотрела на них всех вместе и на каждого по отдельности. Гитарист лелеял, холил, нежил свою гитару. Баянист приносил в стандартный электрогитарный звук тягучие деревенские напевы. А ударник колдовал над своей установкой, строго удерживая ритм... Парни очевидно играли в охотку.

Но с «Пополамами» был еще Леха. Он не просто очень хорошо пел. Он создавал стиль, настроение, ритм. Непривычный, очень сексуальный тембр голоса, странная, эротичная мелодика, забавная образность слов...

Стоя на сцене, Леша, кажется, забывал о том, что он, по сути, – неловкий и часто смущающийся подросток. Сейчас Леша был артистом, он шутил, задирает посетителей бара, свободно двигался и... посвятил две песни подряд очаровательной Жене Марченко (к яростному неодобрению своих поклонниц и наигранному неудовольствию Миши).

Женя не удержалась, показала ему большой палец. Ну и ну, малец дает! Ее одобрение, кажется, послужило сигналом. Группа заиграла еще вдохновенней.

«Парни еще не нашли свой жанр, – поняла Женя. – Бросает их то в рэп, то в рок, то в блатной шансон. Все – очень сыро. И не отработано. Но их музыка, их исполнение – талантливы. «Пополамы» понравятся взрослым мужчинам и женщинам, под их песни станут отплясывать на дискотеках всей страны. И главное, группа покорит миллионы девчонок – таких же молодых, как те, что за соседним столиком. Смотри-ка, они визжат! Даже, кажется, – плачут! И не стесняются ни визга своего, ни слез».

В перерыве между песнями Миша склонился к ней и прошептал:

– Похоже, мы их больше здесь не увидим...

Женя не стала спрашивать, почему. И без того ясно. Такой талантливой группе нечего делать в крохотном баре «Я и Оно».

Женя внезапно почувствовала прилив радости: «Я! Я буду у истоков их славы! И когда они станут знаменитыми и богатыми, я стану всем говорить, что знала их юнцами! А они – может быть, они тоже меня запомнят. И мою поддержку – тоже...»

...Концерт закончился. «Пополамы» устало собирали аппаратуру. Посетители, что подтянулись во время выступления, наперебой зазывали музыкантов выпить. Заведенные поклонницы на весь бар кричали: «Еще! Мы вас любим!...» Но группа ни с кем не общалась. Видно было: мальчишки – внутри своей музыки, им тяжело дается переход из артистов в обычные люди.

Бобров взглянул на Женю, кажется, понял по лицу ее желание и решительно встал. Шепнул что-то бармену. А потом подошел к «Пополамам». Те закивали и поволокли к столику Жени тяжеленные пеньки-табуретки.

Бобров сгладил первые минуты знакомства анекдотами. С «Пополамов» постепенно спадала «концертная отстраненность», пацаны на глазах превращались в обычных первокурсников – в меру наивных, в меру циничных.

Женя взяла инициативу на себя. Теперь она играет первую скрипку. И уж постарается, чтобы ее партия под названием *шикарный пресс-релиз* прозвучала на уровне.

* * *

– Мне это нравится, – задумчиво проговорил Бритвин. Он прочитал пресс-релиз и теперь просматривал его второй раз. Над одним абзацем – покивал, над другим – улыбнулся.

– Ты будто двадцать лет с ними знакома... – протянул он.

– Двадцать лет назад их еще на свете не было, – улыбнулась Женя.

– Можно подумать, *тебя* тогда на свете много было, – поддел ее Бритвин. Он уже знал, что двадцатипятилетняя Женя Марченко стесняется своего возраста и по мере сил старается выглядеть старше.

– А эти их монологи? Сама их придумала? – Дмитрий заглянул в ее текст, зачитал:

«У Ремарка в „Трех товарищах“ есть персонаж, который называет себя „последним романтиком“. Но на самом деле последние романтики – это мы. Мы до сих пор верим в то, что жизнь – это сказка со счастливым концом. И мечтаем о настоящей любви, о крепкой дружбе, о подлинном успехе...»

Женя призналась:

– Кое-что они мне сами рассказали. Ну, а чего-то – додумала...

Бритвин поднялся. Взглянул на часы. И торжественно объявил:

– Госпожа Марченко! Вам представляется уникальная возможность сходить пообедать!

А я посижу, чуток твой текст подправлю. Привнесу в него мужское начало. Делов на полчаса... Потом пойду с ним к Дубову.

В столовой Женя встретила бухгалтера Федора Степановича, грустившего над двумя морковными салатами и тарелкой скучного супа без мяса. Увидев Женю, он просиял, зазвал ее за свой столик. Поначалу Евгения держалась с ним осторожно – помнила слегка двусмысленные комплименты и приглашения в рестораны. Но вскоре расслабилась – сегодня бухгалтер вел себя безупречно. Расспрашивал Женю про университет, «Ясперс и бразерс». Сам рассказывал про двухлетнюю внучку – «редкую разбойницу».

Кушал Федор Степанович обстоятельно, осторожно. Подле его тарелок ровным рядом лежали бумажник из недешевой кожи, очешник и дискетница. Временами, задавая вопрос, glavбух рассеянно менял предметы местами, всякий раз тщательно выравнивая их.

Они пообедали больше часа и вместе поднялись в офис. Федор Степанович ласково потрепал ее по плечу, заслужил неодобрительный взгляд секретарши Юли и отправился в свой кабинет. А Женя пошла к Бритвину.

Тот сидел за компьютером и бездумно смотрел на рыбок – «скринсэйверов», заполонивших экран.

– Дима... – негромко позвала она.

Он обернулся к ней. И тут же опустил глаза.

– Что, Дима?... – тревожно выдохнула Женя.

– Дубову пресс-релиз не понравился, – сказал, как отрубил, Бритвин.

Женя побледнела. А Дмитрий твердо добавил:

– Я считаю, что Дубов не прав... – Он понизил голос и договорил: – Но ты же знаешь, что с ним спорить бесполезно...

– А что именно ему не понравилось? – потерянно спросила Женя.

– Все, – вздохнул Дмитрий. – Стиль. Интонация. Подача материала. Сказал, что ты не в теме. Что с работой не справилась.

У Жени зашипало в носу. Не хватало только разреветься.

– И что теперь? – тихо спросила она.

– Ничего.

– Дима, – робко спросила Женя, – а тебе-то мой пресс-релиз правда понравился?
– Да! Да! Да! – внезапно распсиховался Бритвин. – Понравился. Что ты еще хочешь услышать?!

Женя взглянула на него. Поняла, что Дима не играет в злость. По-настоящему рассержен. И – не ею. Нужно оставить его в покое.

Женя тихонько вернулась в свой закуток и остаток дня просидела там. Тряслась, чтобы Дубов не вызвал ее на ковер.

Она умела признавать поражения. Но сегодня Женя никак не могла в него поверить. Пресс-релиз у нее получился неплохим. И Бритвину понравился... Так какого ж рожна?!

Под конец рабочего дня она позвонила Мише Боброву. Он, видно, понял по расстроенному голосу, что ей плохо, и, даже не дослушав ее, сказал:

– Я подъеду. К тебе. К шести.

– Жду, – Женя с радостью подчинилась его уверенному и твердому голосу.

Когда ровно в шесть она садилась в его «Тойоту», Миша сказал:

– Ничего сейчас не рассказывай. Поговорим на месте.

– На каком месте? – не поняла она.

– Увидишь! – загадочно улыбнулся Миша.

«Тойота» выскочила на Ленинградку – и порулила не к центру, как обычно, а в сторону Кольцевой.

Женя молчала, слушала радио. Когда вдруг закрутили «пополамовскую» песню – чуть не расплакалась.

Миша ласково погладил ее по коленке. «Тойота» уверенно мчалась справа, рядом с тротуаром.

– Все-таки – куда мы едем? – спросила Женя.

– Давай ко мне домой, – весело предложил Миша. – Здесь рядом.

– Будешь утешать? Старым как мир способом? – резко спросила Женя. Только этого ей сейчас не хватало!

– Никаких «старых способов», – строго глянул на нее, отрываясь на секунду от дороги, Миша. – Все исключительно целомудренно... Просто сегодня утром у меня была мама. Напекла пирожков. Целую гору. Кто ж их съест, если ты не поможешь?

Возражать было нечего. Женя опять замолчала.

Миша свернул куда-то в переулки. Кружил по безликим улицам, уставленным одинаково серыми панельными многоэтажками. Здесь Москва казалась еще более скучной и скученной, чем у нее в Жулебине.

– Ты отвезешь меня домой после своих пирожков? – спросила Женя.

– Да, – рассеянно ответил Бобров. – Конечно, да.

Она искоса посмотрела на Мишу. Он не отрывался от дороги. Вел машину спокойно, уверенно и быстро.

Машина зарулила во двор. Бобров припарковался.

Вышел из «Тойоты». Быстро обошел ее. Распахнул перед Женей дверцу. Подал руку. «Какая галантность, – иронически подумала она. – Привез меня кушать мамочкины пирожки... Выходит, я его очаровала?... Он без ума? А что, прекрасная пара... И прописка у него московская... Интересно, сколько он зарабатывает?..»

Она отогнала совсем не своевременные сейчас мысли. Бобров запер машину, прошел вперед и предупредительно распахнул перед ней дверь подъезда. Входя, она украдкой взглянула на часы. Без четверти семь, уже темно. «Приличные девушки в одиночку в гости к мужчинам не ходят. Но в моем К. я считаю девушкой неприличной... А в Москве на то, кто к кому и во сколько ходит в гости, народу наплевать...»

* * *

В квартире Боброва женщинами не пахло. Ни цветов, ни кружавчиков в комнате.

В ванной – единственная зубная щетка. Крем для бритья. Бритвенный станок. Ни тебе сохнувших чьих-нибудь трусиков.

Аскетичный суровый быт.

Квартирка еще меньше, чем ее. Низкие потолки... Совмещенные удобства... Не успела Женя проинспектировать ванную, как на кухне ее встретила гора румяных пирожков. И огромная чашка крепкого чая.

Она вдохнула вкуснейший пирожочный дух и поняла, как голодна. Странно – впервые за неделю она нормально пообедала, а к вечеру опять проголодалась! От нервов, что ли?

– Почему пирожки теплые? – удивилась Женя.

– Подогрел в печи, – улыбнулся Миша. Видно было, что ему доставляет удовольствие ухаживать за ней. Он бухнул ей в чашку три ложки сахара – и даже сам размешал. Женя не утерпела, вгрызлась в пирожок.

Она съела пирожков, наверное, двадцать, прежде чем насытилась. Обиды и злость сегодняшнего дня отодвинулись. Сытая эйфория овладела ею. Вернулся Миша, предложил: «Пойдем в комнату. Там удобней». Она покорно встала и перешла в комнату. Села в кресло. Миша откуда ни возьмись взялся с пледом. Укрыл ей ноги. Ей вдруг стало так хорошо, как ни разу с тех пор, как умерла мама. Кто-то о ней заботился. «Хочешь вина? – спросил Миша. – Настоящее, французское». Она отрицательно покачала головой. От сытости Женя почти засыпала.

Миша включил музыку. Заиграло что-то легкое, классическое, Вивальди, кажется. Миша сел на диван рядом. Взял ее за руку. «Классическая стратегия обольщения, – лениво подумала Женя. – Ну и черт с ним!.. А почему бы не попробовать? Вдруг – с ним все получится?»

– Ты обещал мне французского вина, – лениво проговорила она.

Голос прозвучал хрипло.

* * *

Много позже, когда она уже провалилась в сон – глубокий, сладкий, без сновидений, а потом – спустя, наверное, час – в ужасе проснулась: «Где я? Что со мной?» – горел ночник, и Миша лежал рядом, опершись на локоть. Он ласково смотрел на нее и улыбался. – Спи, спи, маленькая... – Он ласково погладил ее по голове. Она доверчиво взяла мужскую руку в свои ладони. Спать совсем не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.